

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

МИХАИЛ СЕРЁГИН

ДМБ

УПАЛ, ОТЖАЛСЯ!

ВЕСЁЛЫЕ АРМЕЙСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ДМБ

Михаил Серегин

Упал, отжался!

«Научная книга»

Серегин М. Г.

Упал, отжался! / М. Г. Серегин — «Научная книга», — (ДМБ)

Героев-«химиков» отправляют в святая святых военной химии — поселок Шиханы. Но и на таких серьезных учениях ребята найдут способ устроить собственные приключения — гораздо опаснее и увлекательнее! Не будем спойлерить, скажем только, что местные сортиры ждут суровые испытания...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Михаил Серегин

ДМБ: Упал, отжался!

Глава 1

В бой идут одни «черпаки»

Планета была пустынной и раскаленной. Дышать отважному первопроходцу космоса было нечем, но он старался. Очень старался. А что еще ему оставалось? Спасти его мог бы только верный спичечный коробок, но воспользоваться им не было ни малейшей возможности – сквозь запотевшие иллюминаторы просматривалась огромная зеленая туша местного чудовища. Монстр сотрясал окрестности громовым ревом. Окрестности послушно тряслись, покачивались и проявляли первые признаки морской болезни...

Рядовой Валетов попытался сглотнуть вязкую слюну. Не получилось. Страдающий от недостатка жидкости организм требовал воды и с негодованием отвергал теплую, пропахшую резиной замену. Однако какое-то действие этот неудавшийся глоток все-таки произвел: рев стал отчетливее, в нем даже различались слова. Часть из них явно имела русское происхождение, но не была внесена в большинство словарей. Однако всяческий смысл произносимого, если он и был, надежно гасился двумя слоями резины и шумом в перегретой голове.

В отличие от своих подчиненных, лейтенант Мудрецкий стоял на плацу без противогаза и химзащиты. По этой печальной причине мощные речевые обороты, исторгаемые командиром отдельного мотострелкового батальона подполковником Стойлохряковым, доходили до лейтенантских ушей беспрепятственно. Левое ухо за последние полчаса несколько утратило чувствительность.

– ...И, вашу мать, такими рас... – Слышимость исчезла совсем, осталась одна видимость. Подполковник хлопал ртом, как вытасченный из воды карась. Нет, не бывает у карасей такого пуза. Скорее все-таки карп. Мудрецкий чуть тряхнул головой, в ухе щелкнуло, и звук опять включился на полную мощность: – ...Командовать в этой дыре!!!

Стойлохряков задохнулся, грозно выпучил глаза и утер трудовой пот с лоснящегося багрового лба. Перед ним тихо раскачивались под слабым летним ветерком прорезиненные фигуры с выпученными стеклянными глазами и решетчатыми рылами. Затея удалась на славу: новые противогазы раздавали здесь же, на плацу, и никто не успел выдрать клапан или вывинтить переговорную мембрану. Взвод химзащиты тихо варился в собственном поту и задыхался по стойке «смирно».

– Ладно, сынки. – Комбат довольно ухмыльнулся и сменил гнев на милость: – Противогазы снять!

Над зеленью химзащиты взошли два десятка солнышек – местами красных, а местами и бледно-сизых.

– Значит, так, бойцы. – Стойлохряков начал прохаживаться вдоль хрипящего и постанывающего строя. – Все вы тут грамотные, за международными новостями следите, даже за спортивными, – командирский взгляд впился в шатающегося Валетова. – Так что сейчас возьму самого умного, и пусть проведет с вами политзанятия по нынешнему положению! А чтобы вы не думали, что я тут ничего не знаю, расскажу вам все просто и по-человечески. Или кто-то хочет? Нет желающих? Ну, тогда радуйтесь, родина доверяет вам и в моем лице ставит боевую задачу. Боевую, я сказал!

«Чечня... – Мудрецкий почувствовал, что пот на спине не такой уж горячий, как казалось вначале. – Все-таки припомнили мне эти учения».

– Не бойтесь, на курортах Кавказа загорать не придется... – Телепат в погонах оскандился, увидев маскировочный зеленый оттенок на лицах подчиненных. – Хотя, может быть, еще попроситесь. А я, если буду добрый, соглашусь.

«Таджикистан? Нет, там сейчас вроде бы спокойно... – Лейтенант вдруг вспомнил, что комбат говорил о международном положении. – Неужели в Багдад пошлют?!»

– Вы у меня кто? Молчать, когда я разговариваю!!! – взъярился Стойлохряков. – Вы у меня взвод химзащиты, то есть должны защищать меня с батальоном от оружия массового поражения. Понятно? До всех дошло? Так вот, если кто еще не слышал, сейчас такое оружие находится в руках не только наших вероятных союзников, но и террористов. Как отечественных, так и иностранных. Включая те страны, которые их поддерживают. Значит, что? Лейтенант, я вас спрашиваю, что это значит?

– Значит, могут применить, товарищ подполковник. – Мудрецкий немного подумал и добавил: – Или у нас, или рядом, но так, что достанут.

– Правильно мыслишь. И вот что мы будем делать, если они применяют, а у нас солдаты-химики только и умеют, что потешаться над своими боевыми товарищами? Ась, рядовой Валетов? Чего делать-то будем?

– Опозоримся, товарищ полковник. – Фрол пожирал глазами начальство, словно голодный абориген каких-то островов свежезабитого английского мореплавателя Кука.

– Да хрен бы с вами, что вы опозоритесь, – зарычал Стойлохряков. – Вы меня опозорите, да так, что дальше... – Тут комбат вспомнил финал учений и махнул рукой: – Ладно, и не такое уже успели. В общем, слушайте боевой приказ!

Химики распрямились и перестали шататься. – Приказом по Приволжскому военному округу за подписью генерал-лейтенанта Лычко ваш взвод, как особо отличившийся в ходе совместных учений. – Комбат обвел тяжелым взглядом шеренгу, не нашел улыбок и продолжил: – Направляется для дальнейшего совершенствования боевой подготовки в длительную командировку.

– А как же дембель, товарищ полковник? – жалобно взвыл кто-то старослужащий из середины строя.

– Хороший вопрос, – благосклонно кивнул Стойлохряков. – Приказ министра обороны мы ни отменять, ни приостанавливать не имеем права, поэтому товарищи дембеля могут спокойно спать в родной казарме. Точно так же мы должны оставить в распоряжении части всех, кто не прослужил у нас полгода. Так что в командировку поедут наиболее опытные бойцы во главе с командиром взвода. Товарищ лейтенант, к... – Комбат посмотрел на часы. – В общем, после обеда чтобы был в штабе со списком. Двенадцать человек, и среди них – младший сержант Простаков, ефрейтор Резинкин и рядовой Валетов. Обязательно. Генерал Лычко лично приказал. Еще вопросы есть?

– Товарищ подполковник, – негромко поинтересовался Мудрецкий, – а куда едем-то?!

– Радуйся, лейтенант, почти что домой поедешь! – Рожа Стойлохрякова стала такой сладкой, что с ней можно было пить чай. Вприглядку. – Столица наших химвойск, чтоб ты знал, расположена на территории Саратовской области!

– Знаю... – На глазах изумленных солдат командир взвода побледнел так, что его шею невозможно стало отличить от новенькой подшивы. – Товарищ... комбат... – судорожно вздохнул Мудрецкий. – Может... Разрешите подать рапорт о переводе на Северный Кавказ?

– Не дождешься! – зарычало взбешенное начальство. – Раньше надо было, раньше! Я тебе предлагал? Предлагал! А теперь поздно! Иди служи, пиджак! Это тебе не в микроскоп на микробов любоваться!

* * *

Столица нашей великой державы, как известно, город Москва – по крайней мере сейчас, а за дальнейшее не поручусь. Столица российских космонавтов – Звездный городок, поскольку Байконур со всем хозяйством остался в сопредельном государстве. Столица нынешнего Военно-морского флота – небольшой городишко Североморск, чуть севернее Мурманска. Столица ракетчиков... ну, это вам знать не обязательно и вообще не имеет никакого отношения к нашему повествованию.

Есть своя столица и у героических войск радиационной, химической и биологической защиты. Расположена она действительно на территории Саратовской области, в укромной долинке Приволжской возвышенности...

Товарищ особист, товарищ особист! Ну что ж вы сразу за блокнот хватаетесь! Ничего секретного сейчас не будет, разве ж я не понимаю? Разве ж я подписку не давал? Все в порядке, и газеты об этом писали, и телевидение показывало, и даже международные организации туда наблюдателей посылают. Да, и «Гринпис», будь он неладен. И бен Ладен, гринзвезда ему, тоже знает. А если не знает, то догадывается. А если не догадывается, то все равно он такие книжки не читает.

Называется эта столица – Шиханы. Точнее, Шиханы-2, а военного адреса мы все равно не скажем. И слышал об этом месте любой житель Саратовской области, а уж студент Саратовского университета – тем более. Тем более биолог.

Тем более закончивший военную кафедру. И слышал, несмотря на все секреты, столько, что при малейшей возможности выбора поедет в Чечню. Жить-то хочется...

* * *

Собирали и провожали командированных не то чтобы с музыкой, но почти всем батальоном. Бог его знает, чем и как встретят далекие и чужие Шиханы. Может, там и гуталин – кожно-нарывного действия... Огромную, килограмм на пять, жестяную банку сапожной радости от щедрот своих выставил не кто-нибудь, а лично прапорщик Евздрихин. Он же, скрипя зубами, выдавал отбывающим новенькое снаряжение. Уже не от щедрот, а по личному распоряжению товарища подполковника Стойлохрякова – дабы все химвойска видели, что даже последние раздолбаи в отдельном батальоне экипированы не хуже разведчиков. Скрипел прапорщик, чуть не плакал. Вот камуфляж, ни разу не надеванный, нулевой – а ведь кое-кому из этих дятлов уже четвертый за год меняют, это ж понимать нужно! Или вот десантные ранцы вместо вещмешков... ну, пусть не новые, но все-таки! Берцы вместо сапог – это уж совсем зря, в кирзачах-то по всяческой гадости бегать не то что быстрее, но уж точно безопаснее...

А самым обидным для Евздрихина было даже не расставание с ценным войсковым имуществом – ну, не обеднеет он, не обеднеет, хотя и жалко дюжины комплектов. Обидно было, что стоял рядом с ним лейтенант Мудрецкий. Стоял и внимательно наблюдал, чтобы выдавал старый прапорщик положенное и не подсовывал ненужное. Мальчишка, пиджак, только только научился портянки мотать, а туда же – проверять! Если бы нужно было прапорщику Евздрихину подsunуть в убывающую команду что-нибудь слишком уж завалившееся – и не заметил бы лейтенант, как не в силах подсмотреть фокусник из сельской самодеятельности секреты великого мага Дэвида Копперфилда. Да и вообще, кто он такой, тот Копперфилд?! Подумаешь, вагон у него бесследно исчезает, так ведь появляется потом! Не-ет, дорогой, а ты этот вагон оприходуй, да еще так, чтобы не только исчезновения не заметили – не вспомнили бы, что он и на свете был...

«Господи, да убери ты куда-нибудь этого сопляка!» – взмолился прапорщик в глубине души своей. И случилось чудо – услышана была молитва, и явился ангел. В сиянии начищенных ботинок, в одеждах, пропыленных и пропеченных до неразличимости цвета маскировочных пятен, и в кепке с офицерской кокардой вместо нимба.

– Пошли, Юрец, – вздохнул ангел, сильно похожий на командира разведвзвода старшего лейтенанта Бекетова. – Комбат приказал тебе оружие выдать.

– Да я уже... – Мудрецкий хлопнул по приятно оттягивающей португею кобуре.

– Так то ты, а то твои! Давай, давай, бери тех, кто уже с вещами, – и на выход! В смысле – в оружейку!

– Слушай, а зачем нам автоматы? – опешил Юра. – Мы ж не разведка, нам химзащиты и противогазов хватит...

– Ага, ага, и еще лопаты вам нужны. Зараженное дерьмо разгребать. – Бекетов ухмыльнулся. – Действовать будете в условиях, максимально приближенных к боевым. Так что получите, распишитесь и попробуйте только потерять по дороге!

– А если кто-нибудь отнимет? – высунулся из-под командирского локтя Валетов. – Вот наедут на нас какие-нибудь гоблины, и что тогда?

– Тогда, рядовой, досылаешь патрон в патронник и производишь предупредительный выстрел в голову, – разведчик оценивающе взглянул на низенького Фрола и добавил: – Хотя для начала можешь и в живот, тебе так удобнее будет. Еще вопросы?

– Слушай, так нам что, и патроны выдадут? – забеспокоился Мудрецкий.

– Пошли, пошли, сейчас ты у меня все получишь! – пообещал Бекетов и направился к оружейной комнате. За его спиной тревожно переглядывались посланные в командировку.

Через полчаса выдача оружия напоминала старую советскую комедию. Да не какую-нибудь, а любимую народом «Свадьбу в Малиновке».

– Это тебе, это тебе, это опять тебе, – приговаривал Бекетов, щедро одаряя химвзвод подсумками и пустыми магазинами. Рывком вытянул зеленый ящик, щелкнул замками, полюбовался на аккуратные рядки гранат. – А вот снова все тебе. Приедешь, спишешь.

Ящик с грохотом откочевал в угол.

– Эй, эй, ты куда его! – потянулся было Мудрецкий.

– Куда, куда... Первый день служишь? Твои еще подорвутся с непривычки, а к нам проверка через две недели нагрянет. Что я, маскировочной сеткой им уху обеспечивать буду? Да не пыхти, комбат приказал. Так, теперь патроны... Это тебе, это мне. – Командир разведчиков по-братски поделил два цинка из следующего ящика.

– Тоже комбат приказал? – уныло поинтересовался Юра.

– Без приказа мы ни шагу, – кивнул Бекетов. – Дымпашки и прочую имитацию на месте получишь, у вас, химиков, этого добра всегда навалом. О, чуть не забыл! Стойлохряков сказал, чтобы каски взяли. И пяток бронежилетов.

– Это еще зачем? Если мы едем туда, куда приказывали, то противогазов хватит... Ну, может, еще химзащита потребуется, – поправился Мудрецкий. – А броники нам на кой овощ таскать?

– В караулы ходить будете. Это вам не Чернодырье, где полсотни машин можно с одним пистолетом охранять. Лычко предупредил – охрана строгая, все по уставу, так что не забудь своим напомнить, что к чему. – Старший лейтенант задумчиво поглядел на железные шкафы. – Ручник еще, что ли? Нет, ребята, пулемет я вам не дам. Еще друг друга постреляете. Ты вот что, цинк пока не открывай. Если в караул ходить, так вам на месте выдадут, а этот занаць. Мало ли чего твои раздолбаи учинят, они к оружию не привыкли. Понял? Ну, тогда все. Хотя погоди. – Бекетов пошарил в кармане и вытащил два картонных коробка. – Держи, это опять тебе. Пригодится.

Юра открыл один коробок и залюбовался аккуратными донцами пистолетных патронов.

– Это тебе от меня лично, – подмигнул старлей. – Неучтенка. Хочешь, постреляй, потренируйся, а то на вашей кафедре небось не приходилось.

– Ну, ты это зря, – обиделся за родной университет лейтенант Мудрецкий. – На сборах стреляли, перед присягой.

– И сколько? – усмехнулся разведчик.

– Три.

– Три раза?

– Три патрона, – не стал врать Юра и тяжело вздохнул. – Я один раз даже попал.

– Ну так ты у нас снайпер! – восхитился Бекетов. – Чего я со своими советами лезу? Ладно, пошли в штаб, товарищ комбат с тобой лично поговорить желает. Уточнить, так сказать, боевую задачу.

Подполковник Стойлохряков пребывал в благодушном настроении. Прихлебывал чаек с лимончиком и поглядывал на часы. До прощания с химиками оставались какие-то минуты. Ну, хорошо, пусть даже пара часов: много они за это время все равно не натворят, разве что Валетов расстарается на прощание. Если успеет. А дальше... Дальше видно будет. Были у комбата кое-какие идеи, а самое главное – были старые знакомые, которые вполне могут поспособствовать спокойной жизни отдельного батальона. Подполковник еще раз взглянул на лениво шевелящиеся стрелки и поставил стакан на стол.

– Значит, так, лейтенант... Выпьем на дорожку?

– Никак нет, товарищ подполковник. – Мудрецкий вздрогнул. – Рабочее время, да нам еще ехать, мало ли что... Мы же сегодня выезжаем, правильно?

– Правильно, – от удовольствия Стойлохряков даже на несколько секунд прикрыл глаза, как кот на солнышке. – Сегодня, в восемнадцать ноль-ноль... Это ж просто сказка какая-то!

– А как мы добираться будем?

– Своим ходом. Да не бойсь, не пешком! – Комбат гулко хохотнул. – Что я, зверь, что ли... Разбежитесь еще по дороге. Или имущество казенное потеряете, а мне за вас отвечай. Возьмешь «шишигу». И еще у меня к тебе пара вопросов, как раз насчет транспорта. Вот ты у меня уже год с лишним командир химвзвода – чего у тебя не хватает?

– Машины химразведки, товарищ подполковник, – четко отпартовал Мудрецкий. – Я вам уже докладывал. То есть по документам она числится, но...

– Знаю, знаю, – отмахнулся Стойлохряков. – Этот «бобик» еще из Германии сюда в чужом кузове добирался. Так вот, можешь радоваться, Зарин-Зоманыч: в Шиханах тебя новая машина дожидается. У них в энээ этого добра навалом, а наш все-таки списываем. Приборы тебе на учебные пособия отдадим, рацию в третью роту, а все остальное пусть Евздрихин забирает. На запчасти, если там еще что-то целое осталось. Твоя задача – принять машину с полным комплектом, до последней лампочки, и в таком же виде пригнать ее в батальон.

– Сразу пригонять? – уточнил Юра. – Как только получим?

– Не сразу, – тяжело вздохнул подполковник. – Вам ее как учебную сначала выделяют. Так что ты у меня... Того... Чтобы твои дятлы ее не раздолбали за это время! Понял?

– Так точно...

– Вот и хорошо, вот и ладно. – Стойлохряков залпом допил чай, извлек из стола еще один стакан. С сомнением посмотрел на Мудрецкого. – Ты что, точно на посошок не выпьешь? Смотри, примета плохая!

– Если прикажете, товарищ подполковник, – выпью.

– Черт с тобой, приказываю, – из зеленой пластиковой «полторашки» с наклейкой «Спрайт» в стаканы полилась прозрачная жидкость. – Чему-то я тебя все-таки научил, пиджака домашнего... Ну, не дадим себе засохнуть!

* * *

За стеклами «шишиги» было черным-черно, и в этой черноте просверкивали капли дождя. Освещенный участок был только один – могучие ворота с мокрым двуглавым орлом. Как и положено всем птицам под дождем, орел выглядел взъерошенным и недовольным.

Вообще, доложу я вам, раскисать под мелким летним дождем – занятие не всегда и не для всех приятное. Особенно если этот душ принимается в первом часу ночи, не снимая одежды и натошак.

«Сегодня Стойлохряков не уснет, – думал лейтенант Мудрецкий, смахивая каплю с носа. С козырька фуражки тут же капнули сразу две. – Икота замучает. Стратег хренов, высчитал ведь, когда приедем. Говорил я ему – лучше утром ехать!»

Ситуация была из тех, что желают только закадычным врагам или горячо любимой теще. На секретный объект приехали никому здесь не известные солдаты, да еще и при оружии. Тот, кому по службе полагалось их встретить, мирно спит дома, и никто его тревожить не будет, это ясно. О звонке из Самары знал дежурный по части, но он, естественно, уже сменился. Нового не предупредили, это как пить дать. Прапорщик, главный начальник возле этих ворот, пропускать посторонних не намерен – спасибо, хоть круговую оборону не занял, вызвал по телефону дежурного. Двадцать минут назад тот пообещал приехать и разобраться. Ждем-с...

Стальная дверь в белой стене КПП приоткрылась, и в щель осторожно просунулось рыльце «калашникова». Следом за автоматом показалась голова в каске. Часовой испуганно глянул на ночных гостей и тут же скрылся.

Еще через пять минут за воротами послышался знакомый шум уазовского мотора. Хлопнула дверца, донесся уставной рык «Смирно!» и тут же невнятная скороговорка, в которой удалось разобрать только жалобное «товарищ майор, я не знаю...».

Дверь распахнулась, и под дождь со скоростью стартующей ракеты вылетели сначала часовой в каске и бронежилете, потом прапорщик, одной рукой придерживающий пятнистую кепку, а второй – место на туловище, этой кепке противоположное. Следом с медвежьей неторопливостью шагнул офицер в камуфляже, при красной повязке на рукаве и расстегнутой кобуре пистолета. На погонах тускло блеснули крупные звездочки – по одной на каждом плече.

– Кто тут мудацкий лейтенант? – сиплю осведомился майор.

– Лейтенант Мудрецкий. – Юра обреченно шагнул навстречу дежурному. – Прибыл со взводом...

– Ты не мудри, лейтенант, – спаренные стволы майорских зрачков уставились несчастному командированному точно в переносицу. – Какой же ты не мудацкий, если, как черт алкашу, в такое время являешься! Ну вот кто тебя сюда послал, а?

– Подполковник Стойлохряков, командир отдельного...

– Кто-кто?! – Дежурный даже зажмурился и потряс головой.

Открыл глаза – назойливое привидение в промокшей плащ-накидке не исчезло.

– Какой еще Стойлохренов?!

– Стойлохряков, – поправил майора Юра. – Из Чернодырья.

– Я же говорю, товарищ майор, подозрительные они какие-то! – донесся из темноты обиженный голос прапорщика.

Дежурный покрутил головой, словно его воротник неожиданно превратился в удава и решил помочь неизвестным террористам в проникновении на секретный объект. Зачем-то снял свою кепку, поглядел на кокарду, потом решительно водрузил головной убор на место.

– Значит, вот что, лейтенант... как тебя там? – сипение перешло в раздраженный хрип. – Ты сейчас лезешь в машину и сидишь тихо-тихо, пока я звоню оперативному. Если у тебя

хоть кто-то из кузова выпрыгнет или мотор фыркнет – мы тут предупредительных не делаем, служба такая. Все понял?

– Так точно, – уныло ответил Мудрецкий. – Разрешите идти?

– Иди, иди! – Майор пятился к двери, нервно поглаживая рукоятку «макарова». – И тихо сиди, понял? И фары выключи!

Лейтенант добрался до подножки, распахнул дверцу, нырнул в кабину.

– Ага, что, едем? – Дремавший Резинкин приподнял голову с руля. – Заводить?

– Я тебе заведу, резина драная! – заорал Мудрецкий, поглядывая через стекло на лоснящуюся каску часового. – Фары выруби и больше не шевелись!

– Понятно. – Двуглавый орел на воротах улетел в сырую мглу, и в кабине стало темно и тихо. Потом раздался глухой стук – голова ефрейтора Резинкина снова вошла в соприкосновение с пластиком «баранки». Несколько секунд Юрий таращился в законную черноту, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь, и в особенности – куда сейчас направлен автоматный ствол. Потом вспомнил еще об одной стороне этой проблемы и снова высунулся из кабины.

– Простаков! Эй, в кузове!

За отсыревшим брезентом тента завозились, звякнул металл. Кто-то обиженно взвыл и тут же затих. Гулкий бас разнесся по окрестностям секретного объекта:

– Что, приехали, товарищ лейтенант? Вылазим?

– Сидеть!!! – суматошное клацанье затвора Мудрецкий почувствовал не барабанными перепонками, а похолодевшей спиной. – Никому из машины без приказа не высовываться! Брезент сзади опустить!

– А если по нужде, тогда как? – деловито поинтересовался кузов сонным голосом рядового Валетова.

– Прямо на дорогу! – рявкнул лейтенант. – Приоткроешь и вывесишь рабочую часть! Высунешь чуть дальше – отстрелят без предупреждения! Простаков, проследишь за всеми!

– Поня-ятно, – грустно пробасил сибиряк. – Эк серьезно тут у них...

Где-то в мокрой темноте облегченно вздохнули и клацнули металлом. «Предохрани-тель, – узнал звук Мудрецкий. – А жить-то, как говорится, хорошо... И чего я, дурак, на кафедре выеживался?» С университета мысли самым естественным образом переключились на дом... родителей... саратовские улицы... «Тут ведь рукой подать, – в который раз за этот день подумал Юра. – Ну, пусть часа два в одну сторону... Надо будет что-то придумать. Это что же получится – до Саратова в три раза ближе, чем до Стойлохрякова, я тут сам над своей командой начальник, а...»

Приятные мысли были решительно прерваны скрежетом железа. В ночи засветился желтый прямоугольник с четким силуэтом посередине. Силуэт качнулся, приблизился к машине.

– Эй, Мудецкий! Жив еще? – донесся сиплый голос. – Давай заводи, поехали!

– Да куда ехать-то? – Обрадованный лейтенант принялся тормошить Резинкина. Водитель вяло отбивался и мычал, не покидая уютную «баранку». – Я же тут не знаю ничего... Резинкин, подъем!!!

– А, чего надо? – Кабина содрогнулась от мощного удара. – Уй-йю, бли-ин! Нельзя же так пугать, товарищ лейтенант! Вот проломил бы я сейчас крышу, и потом бы не смог нормально водить машину.

– Это почему вдруг? – хмыкнул Мудрецкий. – Из-за сотрясения мозгов?

– Нет, не сотрясение, а вот была бы дырка, и мне бы дождь прямо на голову тек, глаза заливал. Ну как тут обеспечить безопасное вождение?

– Так, лейтенант, ты едешь или тут ночуешь? – Дежурный вскарабкался на подножку, втиснулся в кабину. – Ну-ка, подвинься, а то расселся, как твой хряк в стойле... Давай, давай, водила, запускай свой агрегат, я тут с вами спать не намерен! В следующий раз, лейтенант, если приезжаешь по приказу из округа, так и говори старшему по званию. Я что, всех подполков-

ников в России знать должен? Подполковников в нашей армии много, а майор Маркин один на всех!

«Шишига» заскрипела, недовольно фыркнула и замолчала. Потом все-таки решила, что на дороге порядочные машины не ночуют, и уступила домогательствам стартера – заурчала, вздрогнула и завелась. Двуглавый орел перед фарами нехотя подался в сторону, открывая посторонним взглядам секретный асфальт между тускло белеющими полосами государственного бордюра. Майор сказал: «Поехали!» – и махнул рукой, показывая – куда именно. Впрочем, пока других вариантов и не намечалось. Под недовольный шум разбуженного кузова лейтенант Мудрецкий въехал в столицу войск химзащиты. Почетный эскорт следовал на некотором удалении позади – верный «УАЗ» дежурного двинулся за хозяином.

По обочинам дороги по стойке «смирно» выстроились тополя, толстые, как командир отдельного батальона, и выглядевшие почти по уставу – все в зеленых пятнах. Вот только никогда и никто не видел, скажем, того же подполковника Стойлохрякова в белых сапогах. А деревьям что, деревья возражать против нарушения формы одежды не могут. Даже если бы и захотели. Поскольку деревья здесь не сами по себе, а тоже на службе. Приказано побелить на метр от земли – и будут стоять побеленные. И ровно на метр, и пусть только попробуют фасон давить и комель в гармошку собирать! Кое-кто, видимо, все-таки попробовал: в строю то и дело попадались свободные места. Даже пеньков не осталось.

Промелькнул плакат с суровым автоматчиком в каске, бдительно охранявшим огромный трехцветный флаг. Слева почти минуту тянулся бетонный забор высотой метров пять-шесть, нарядно поблескивавший по верхней кромке витками колючей проволоки. Справа где-то очень далеко просвечивали цепочки огоньков. Наконец Мудрецкий не выдержал и поинтересовался:

– Товарищ майор, а где же городок?

– Ишь, чего захотел, шпион проклятый! – радостно оскалился дежурный. – Сразу в городок ему! Может, вам еще и казарму отдельную выделить? Ничего, не лето, и в палатке поживете. Сейчас в учебный центр вас отвезу, там уже одни чудики отдыхают. Тоже начальство послало, будто, кроме нас, некуда. А городок – это за вторым периметром, туда вообще только по специальному пропуску. – Майор задумчиво почесал переносицу. – Вообще-то здесь тоже, но это мы и завтра выписать можем, а дальше без допуска – ни-ни, и думать не моги. Вот поговоришь с особистами, они тебя пощупают, послушают, подписку возьмут...

– Под что?! – ужаснулся Резинкин. Машина вильнула и противно заскрипела колесом по бордюрному камню.

– А вот заставлю завтра все белить от полигона до КПП, поймешь, под что, – грозно пообещал майор. – Ты смотри, куда едешь! По этой дороге, между прочим, то комиссии, то делегации катаются, а ты с первого дня нам внешний вид портишь! Так, о чем это я?

– О палатке, – подсказал Мудрецкий. – Понимаете, мы думали, будем в казарме жить, так что палатку нам не выдали. Нас же не предупредил никто... И что теперь делать?

– Где я тебе палатку найду в два часа ночи? Вот утром вами займутся, тогда и выпрашивай, а пока так переночуете.

– Так ведь дождь! – возмутился Юра. – Как же под дождем в чистом поле ночевать? Может, тут хоть сарай какой-нибудь есть?

– Есть, есть, – утешил дежурный. – На полигоне целых три помещения свободных, никто не живет. Хотите, занимайте, если понравятся. Крыс-мышей нет, блох тоже. Даже тараканы не приживаются.

– А почему? Есть им там нечего, что ли?

– Дышать нечем, – пояснил майор. – Там каждую неделю кого-нибудь чем-нибудь окулируют. Запашок, конечно, густой, но зато крыша не протекает. Так что я бы лучше в машине заночевал. Эх, летеха, ты что, первый раз на выезде?

– Не первый, – с гордостью признался Юра. – Нас даже в тайгу с вертолетов выкидывали, на выживание.

– То-то я гляжу... Не иначе – без парашюта прыгали, – подозрительно покосился майор Маркин. – Ты где училище заканчивал, в Саратове?

– В Саратове, – кивнул Мудрецкий. Потом все-таки уточнил: – Только не училище, а военную кафедру.

– Что-о?! – Дежурный побледнел. – Так ты что... того... вообще пиджак?!

– Вообще, – гордо подтвердил Юра. – И зрение «минус три», и язва. И ничего, уже больше года служу.

– Ну, это еще ладно. – Майор перевел дух и вытер пот со лба. – А то в прошлом году прислали нам одного, из Новосибирска, кажется. Месяц как в сапоги залез, тут не ему, тут с ним занятия проводить. Ну, и пришлось нам проводить – после того, как его бойцов с забора снимать пришлось.

– С какого забора? – деловито поинтересовался Юра. – С того, что проехали?

– Да нет, на тот по своей воле еще ни один солдат не полез, – пробормотал майор. – Ничего, еще узнаешь... Ты и сам учти, и бойцам своим передай – тут «самоходчиков» не бывает, на заборе городка колючка под током. Не то чтобы под сильным, убить не убьет, но скрючит запросто. Пока на пульте не отключат – штаны не отцепишь... Так, водила, здесь налево!

Асфальт закончился, началась грунтовка. «Шишигу» бросало и качало, как похмельного матроса. Из кузова доносились невнятные вопли – видимо, кто-то успел снова задремать.

– А сейчас развилочек будет, на нем направо... Здесь давай прямо, и на следующем перекрестке тоже. – Дежурный знал свою территорию намного лучше, чем Юра свою руку. Хотя дорог на полигоне оказалось не меньше, чем линий на ладони, и пересекались они не менее прихотливо. Опять-таки ночь, темно, и не видать ни хрена – никаких примет, никаких ориентиров. – Здесь налево поверни, и теперь помедленнее – там яма на дороге, если нырнешь – без тягача не выдернем.

– Танковая колея поперек? – догадался Мудрецкий, вспомнив такую же рытвину возле парка родного батальона и свои страдания по дороге на первое дежурство.

– Она самая, – кивнул майор. – Вообще-то танки у нас тут не водятся, но и без них гусеничного добра хватает. Вот она, держись... О-оп, проехали!

В кабину донеслись звуки солдатских упражнений по развитию легких и изучению русского языка. Можно было различить бас Простакова и тонкие завывания Валетова.

– Чего это они у тебя? Выйти захотели? – удивился майор. – Ничего, потерпят, скоро приедем. Вот сейчас налево, и потом по бетонке еще раз налево, а там я вам подыщу, где разместиться.

Бетонка, в отличие от парадного асфальта, оказалась изрядно побитой временем и проехавшей техникой. Справа вдоль нее тянулись какие-то невысокие сооружения – квадратные заборчики метра четыре на четыре, по колено в высоту. Ряды заборчиков терялись в ночном мраке. Засыпающий мозг Мудрецкого узнал в них что-то знакомое, но никак не мог определить, что же именно.

Фары высветили впереди зеленый караульный «грибок» и переминающуюся рядом с ним фигуру в странной пятнистой плащ-палатке. Укрыться от дождя под предназначенной для этого конструкцией часовой мог только сидя – ростом они с «грибком» были как раз вровень, – но часовому присаживаться, как известно, не положено. Если он, конечно, не захочет сесть все-ррез и надолго. А в том, что впереди был именно часовой, сомнений быть не могло – навстречу машине из-под полы показалось дуло автомата.

«Да что они здесь, вконец охренели от секретности?!» – молча возмутился Юра. Чернодырье, где автомат выдавался не каждому часовому и не на каждый пост, теперь казалось ему

персональным раем для Льва Николаевича Толстого. Тот, если не врет школьная программа, как раз призывал к непротивлению злу насилием... Помнится, на учениях у Мудрецкого возник было вопрос – какого рожна гринписовские борцы за дружбу с природой протестуют на поле с мирными дымшашками, а не здесь вот, в зоне многолетних экологических кошмаров. Теперь этот вопрос как-то робко затих и уполз в сторонку.

– Ничего, ничего, привыкай, пиджак, – ободряюще хлопнул по лейтенантскому погону майор Маркин. – Через пару месяцев сам будешь на любого, кого здесь быть не должно, как на врага смотреть. А вот остался бы тут на пару лет – потом у своей жены пароль спрашивал бы, перед тем как в спальню пропустить. Есть у тебя жена?

– Была, – мрачно ответил Юра.

– Ну, дело молодое, потом еще найдешь. – Майор прыгнул на бетон. – Пошли, с соседями познакомлю.

– Стой, кто идет? – рывкнул пятнистый гигант, но ствол все-таки опустил. Признал своих, стало быть.

– Дежурный по части майор Маркин. Командир спит?

– Так точно. Восемь?

– Пять, и сначала пароль спрашивай, а потом на вопросы отвечай. Наряд вне очереди, чтобы запомнил. А если бы я неправильно отозвался, что бы ты сейчас делал, боец?

– Есть наряд вне очереди, – уныло отозвался часовой. Потом обиженно проворчал: – Вот если бы ответили неправильно, я бы сейчас стрелял... Не, извиняюсь, уже рожок бы менял.

– Два наряда! Должен одним обойтись! Утром взводному доложишь, а сейчас не буди, пусть дрыхнет. Вот, лейтенант, с такими людьми тебе жить по соседству. – Майор повернулся к Мудрецкому. – Этих к нам вообще из другого ведомства прислали. Внутренним войскам тоже химия потребовалась, а то мало ли что и кого. Жить будете здесь. – Дежурный ткнул пальцем в ближайшие квадратные заборчики. – Когда палатки получите, конечно. А не понравится фундамент, выбирай другие, только чтобы от гриба недалеко и на одной линии. Юра тихо застонал. Конечно же, фундаменты для палаток! Для армейских, восьмиместных, точно таких же, в каких военная кафедра на сборах размещалась! Вон, чуть дальше и сами шатры темнеют. Четыре штуки. Завтра, значит, надо получить палатки... И нары... И доски для настила... Черт, и что-то еще там было... Зайти, что ли, с утра к соседям да посмотреть, как это все здесь обустраивается?

– Ну, я с утра еще подъеду. Или пришлю кого-нибудь, чтобы разобрались. – Дежурный направился к своему «уазику». Потом приостановился, обернулся. – Кстати, лейтенант, сортир за последней линейкой, пятьдесят метров. Идите на запах, не промахнетесь.

Мудрецкий посмотрел вслед удаляющимся красным огонькам, потом подошел к заднему борту «шишиги», хлопнул по тенту:

– Простаков! Приехали, давай на выход! Кому приспичило, могут сбежать в культурное заведение!

Брезент откинулся, громынул борт, из кузова начали тяжело вываливаться укачавшиеся полусонные химики. Один, два, три... семь, восемь, девять... Кого-то не хватало. Лейтенант еще раз пересчитал, с трудом умудрился приплюсовать себя и сидящего в кабине Резинкина – все равно недостача получается. Холодея, вспомнил выбоину на дороге, крик Валетова... Вот черт, его-то и не хватает!

– Валетов, к машине! – Мокрое безмолвие ответило командиру взвода. – Валетов!.. Простаков, когда его в последний раз видели?!

– Да только что. – Сибиряк потер лоб, и Мудрецкий разглядел некоторую перемену во внешнем облике гиганта. Перемена эта в неверных ночных отсветах выглядела совершенно черной и шла отчетливой полосой поперек выдающегося лба младшего сержанта. – В кузове валялся.

– И что с ним? Спит?! – Мудрецкий начал тихо звереть. Вот черт, приехали на секретный объект, почти на боевое задание, а Валет и тут приспособился... – Ну-ка, вытащи его сюда!

– А может, не надо, товарищ лейтенант? – замялся Простаков, старательно отводя в сторону глаза. – Может, пусть полежит пока? Ему там... Ну, это... Нехорошо ему.

– И что с ним случилось? Он что, даже говорить не может? – Сквозь армейскую дисциплину Мудрецкого время от времени прорывалась припрятанная на два года интеллигентская мягкотелость. Юра знал об этом и старательно боролся со своим воспитанием. Солдаты тоже знали и старательно выискивали возможности попользоваться происхождением командира. С этим тоже приходилось бороться, и жизнь иногда казалась лейтенанту Мудрецкому сплошным поединком между чемпионом по вольной борьбе и чемпионом по сумо. Который судит мастер спорта по самбо.

Простаков горестно вздохнул и полез обратно в кузов.

– Фрол... Эй, Фрол, живой еще? Вставай, приехали. Там сейчас всех строят.

– Не могу, – донесся жалобный голос. – Все, кончилась моя служба. Теперь меня можно по здоровью списывать. О-ох, Леха, помоги встать, что ли...

Из темноты под тентом сначала показались сапоги – сами по себе, печально летевшие подошвами вперед. Потом обнаружились и ноги, причем странно укороченные: то место, из которого они обычно растут, начиналось почти сразу за голенищами. Наконец, рядовой Валетов явился на свет... простите, в ночной полумрак... целиком и полностью. Плавновознесся над бортом и медленно опустился к ногам своего командира. Руки Простакова отстыковались от подмышек боевого товарища, как опорные фермы от взлетающей космической ракеты, но стартовать Фрол не мог. Попробовал встать «смирно» – тоже не получилось. Поза осталась явно нестроевой и чем-то напоминала боевую стойку известной школы у-шу, подражающую походке утки-мандаринки. Говоря по-русски, Валетов то ли попытался сесть на корточки и не смог, то ли попытался встать и не распрямился. Левой рукой он придерживал ноги в месте их соединения, но правой героически попытался козырнуть. Не донес ладонь до кепки, охнул и схватился примерно за то же место. Примерно – потому что второй рукой он теперь придерживал точку стыка не спереди, а сзади.

– Так что... Разрешите доложить, товарищ лейтенант... – пискнул Фрол. Не договорил и согнулся еще больше. Мудрецкий вздохнул и повернулся к вернувшемуся на бетонку Простакову.

– Кто у нас был старшим в кузове? Докладывайте, младший сержант, что произошло. И запомните: я когда добрый, а когда и беспощадный!

Гулливвер снова потер черную полосу на лбу, вздохнул. Посмотрел на лейтенанта и сообразил, что шутки и в самом деле кончились. Или могли кончиться, и совсем не так, как хотелось бы.

– В общем... Не утерпели мы, товарищ лейтенант. Ну, сами подумайте – сколько времени без остановки, потом еще перед воротами торчали... – Леха уловил красный отблеск габаритных огней в глазах Мудрецкого и заторопился: – Пока по асфальту, еще терпели, мы ж понимаем, а как грунтовка, так и... Но мы приказ не нарушали, товарищ лейтенант, мы брезент не откидывали и не смотрели никуда. Я-то по-малому, с краю высунулся, лбом в дугу уперся, а Фролу ну совсем надо было... Свесился он, за подножку на борту уцепился – ну, как сел за нее. А тут «шишига» возьми да подпрыгни! Мне-то ничего, только дугу малость погнул... Ну, я с утра поправлю... А Фрола, рядового Валетова то есть, сначала передом об подножку подняло, а потом задом опустило. Хорошо хоть вовсе не вывалился, правда ведь, товарищ лейтенант?

Мудрецкий подошел к заднему борту, поднял. Уточнил:

– Правая подножка или левая?

– Левая, – простонал Валетов. – Возле правой Леха стоял.

Лейтенант наклонился, принялся.

– Точно, левая. Так, Простаков – завтра, как дугу выровняешь, не забудь борт помыть. За себя и за того парня, то есть за пострадавшего товарища. Валетов – в машину, отлеживайся до утра, остальным, кто дотерпел, – справа за палатками, пятьдесят метров, ищите по запаху и не провалитесь. К палаткам не подходить, к часовому тем более. Сегодня спим в машине, с утра размещаемся. Вопросы есть?

– Какого хрена посторонние в расположении?! – донеслось откуда-то сбоку. – Почему не разбудили? Что за бардак?!

Мудрецкий выглянул из-за «шишиги» и понял, что вопросы пока были адресованы не ему. Перед вытянувшимся в струнку часовым стоял... Вроде бы человек. В пятнистом комбезе, заправленном в берцы, в лихо приплюснутом красном берете. Верхушка берета маячила примерно на уровне нижнего края крыши «грибка». Часовому, соответственно, возле плеча, даже чуть ниже. «Как раз с Валета ростом», – прикинул привычный к контрастам Юра. Потом ввел поправку на дальность. «Нет, все-таки чуть повыше. Сантиметров на пять». Однако по ширине плеч человек в комбинезоне если и уступал часовому, то немного. Весь силуэт наводил на размышления о сказочных персонажах – вот только неясно, о гномах или троллях, – а также о Горбатом из знаменитого советского сериала, о летающих в воздухе гирих и поднимаемых за одно колесо грузовиках.

– Товарищ старший лейтенант, приезжал дэ-вэ-че, привез нам соседей. Приказал не будить. Дал мне два наряда вне очереди, – честно признался боец.

– За что?

Объяснения часового Мудрецкого не заинтересовали. Значит, это и есть командир из внутренних органов... то есть войск. Надо подойти, познакомиться.

Лейтенанты шагнули навстречу друг другу одновременно, как шпионы при обмене на границе. Сошлись возле бампера, несколько секунд смотрели друг на друга. Юра решил, что гость должен представляться первым, и вскинул руку к кепке:

– Лейтенант Мудрецкий, взвод химзащиты.

– Старший лейтенант Волков, разведка вэ-вэ. – Ладонь шириной с саперную лопату махнула куда-то в сторону берета и тут же протянулась вперед. – Можно просто Саша.

– А я Юра, – вопреки ожиданиям, хруста костей Мудрецкий не почувствовал. Только пальцы онемели – старлей правильно оценивал свои силы и возможности окружающих, а заодно обходился без ненужных соревнований. – А что такое «вэ-вэ»?

– Внутренние войска, – на квадратном от мыщц лице удивленно хлопнули глаза. – Не знаешь, что ли?

– Ни разу не слышал, – признался Юра. – Нас учили, что ВВ – это взрывчатые вещества, а насчет ваших войск я не очень. То есть по телевизору видел, в Саратове училище вроде бы у вас... Я там рядом учился.

– Точно, я там учился! – искренне восхитился Саша. – Ты что, сам саратовский? Химдым заканчивал? Тогда мы и встретиться могли, вы к нам на стрельбище ездили.

– Да нет, я из университета, с военной кафедры, – второй раз за нынешнюю ночь объяснил Мудрецкий. – Биолог.

– Тоже нехреново, – согласился Волков. – Как раз напротив нас. Мы еще вокруг ваших корпусов одно время бегали. Видел?

– Было такое.

– Ну, значит, земляки. Тесна земля российская. А сюда каким ветром занесло? Где служишь, не на Кавказе?

– Нет, возле Самары. Отдельный мотострелковый батальон. Прислали на учебу, в связи с международной обстановкой.

– И нас с ней же. А то мало ли, чего еще наши бородатые придумают, а мы по запаху и не узнаем. С гор спустились, а мне приказ читают: был, говорят, у тебя простой разведвзвод, станет химический. Поедешь, отдохнешь в родном Поволжье.

Веришь, нет – неделю уже здесь отдыхаю, а из всей химии только противогаз видел, да и то свой собственный.

– Может, нас ждали? – предположил Юра. – Чтобы сразу вместе учить.

– Может, и вас, – согласился обладатель красного берета. – Слушай, химик, поможешь разобраться, что к чему? А я тебя... Ну вот, хочешь, рукопашке поучу немного? Дело полезное, и на гражданке пригодиться может. По рукам?

– По рукам, только не сильно!

– Да что ж я, не понимаю, что ли! – Хлопок и в самом деле получился аккуратный. Не сильнее, чем отдача у «макарова»... Помочь вам с размещением?

– Пока не надо, – вздохнул Мудрецкий. – Палатки я только завтра получу, а пока в машине заночуем.

– Ну так пошли ко мне, у меня два места в палатке как раз свободны! Чего вам с шофером в кабине корячиться?!

– Да ладно, я уж лучше со своими. – Юра хотел добавить: «а то еще натворят что-нибудь», но вовремя прикусил язык. Не стоило так говорить о своих солдатах, да еще и офицеру из другого ведомства. Нужно дать им шанс показать себя, тогда все сразу станет ясно.

– Н-ну, как хочешь, – в голосе старшего лейтенанта послышались уважительные нотки. – Смотри, наше дело предложить... Только фары погаси, а то часовому засвечиваешь.

– Я лучше машину разверну, а то мои бойцы в темноте ее до утра искать будут. – Мудрецкий потряс головой и зевнул. – Блин, они там что, провалились?

– Не должны, там доски крепкие, – успокоил коллегу Волков. – Да и слышно было бы. Попадание в дерьмо русский солдат отмечает однозначно, автоматически и оповещает товарищей об опасности на достаточно большом расстоянии.

– Это точно, – согласился Юра. – А вот генералы в таких случаях помалкивают. Зато потом как пошлют...

– А ты что, видел генерала в дерьме? – заинтересовался старлей. – И которого именно?

– Даже не одного. Потом как-нибудь расскажу, – пообещал Мудрецкий. – Вон как раз мои возвращаются, детишки покакали и хотят баиньки. Сейчас укладывать пойду.

– Ну, спокойной ночи, земляк. – Волков кивнул, поправил берет и направился к своей палатке.

Пересчитав и разместив личный состав, лейтенант Мудрецкий залез в кабину и попытался устроиться на жестком сиденье с максимальным комфортом. Резинкин уже спал, привычно и нежно обняв руль. Юра дотянулся, выключил фары и какое-то время пытался разглядеть сквозь мокрое стекло караульный «грибок» и часового рядом с ним. По крыше мерно постукивали и шуршали капли дождя. Под это шуршание Мудрецкий и уснул. И снились ему не девушки, не родной дом и даже не подполковник Стойлохряков. Снились ему квадратные бородатые террористы, бегающие вокруг саратовского университета в поисках секретного химического оружия, которое только русский солдат способен обнаружить без всяких приборов. И даже без специальной подготовки.

* * *

Лейтенант Мудрецкий открыл глаза и офонарел. Не то чтобы он засветился – с какой бы радости? – но глаза его стали очень похожи на фары вверенной ему «шишиги». Еще ему очень хотелось орать, вопить и выть, но как раз в районе голосовых связок что-то острое наглухо

перекрыло гортань. Оставалось только хрипеть и безуспешно пытаться выпучить глаза еще больше.

За стеклом из утреннего тумана выбежал персональный лейтенантский кошмар. Квадратный, камуфлированный, с автоматом на груди и черными пятнами на морде. Кошмар неторопливой рысцой двигался к замершему в кабине представителю войск химзащиты, а из молочной пелены выдвинулся следующий – не такой огромный, но все равно внушительный. Когда первое видение протопало мимо дверцы, а белесая мгла извергла из своих недр очередную размалеванную харю, воздух со свистом ворвался в легкие Мудрецкого. Глаза скрипнули и вернулись в глазницы.

Юрий посмотрел налево – ефрейтор Резинкин в кабине отсутствовал. На душе стало совсем легко, поскольку некому будет рассказать взводу – а в перспективе и всему батальону! – горестную историю о лейтенанте, испугавшемся спецназовского марш-броска. Или кросса, или что у них там сегодня вместо утренней зарядки. Однако и серьезная же служба ребятам выпала: еще и не рассвело, а они уже бетон уплотняют. Да еще и с краской на роже – а через нее, Бекетов рассказывал, пот не выделяется, и через пару километров все чесаться начинает. Хорошо хоть не в бронежилетах и противогазах бегут, так что, наверное, просто разминка у них такая. Перед серьезными занятиями.

А пятнистые привидения все топали и топали – выходили из тумана и уходили в туман. Последний камуфлированный квадрат оказался гораздо меньше остальных, зато гордо краснел через заоконную серость затянутой в берет макушкой. Подбежав к машине, старлей Волков приветственно вскинул руку, но останавливаться не стал: ему, короткономому, и так приходилось передвигать ботинки вдвое быстрее, чем остальным. Подкованный грохот постепенно затих где-то за кормой «шишиги».

Мудрецкий посмотрел на часы и негромко помянул маму и папу всех беговых мамонтов специального назначения, а также тот процесс, в результате которого эти мамонты зародились. Блин, десять минут седьмого! И в такую рань разбудить человека, половину ночи чуть ли не с боями пробивавшегося на секретный объект! Давить надо таких будильников...

Лейтенант попробовал устроиться поудобнее и продолжить столь безжалостно прерванное занятие. Не получилось. Кабина за ночь явно уменьшилась в размерах и вдобавок приобрела все свойства гранитного утеса. Сплошные твердые и холодные углы, вдобавок еще и отсыревшие. Никакого уюта. И ноги некуда девать – чуть ли не впервые Юра пожалел о том, что вырос таким длинным. Волков здесь ночевал бы с удобствами... А Валетов – тем более, и надо будет на следующую ночь его сюда загнать... Хотя нет, следующей ночью они все уже будут в палатках спать. На нарах. На мя-а-агких досочках, а поверх них, наверное, еще и матрасики дадут. И подушечки... Кабина сразу стала еще жестче и меньше, в такой точно заснуть не удастся. Кстати, куда делся Резинкин? И вообще, почему солдаты спят, когда подъем всей Российской армии уже пятнадцать минут как случился, а самое главное – проснулся лейтенант Мудрецкий, их главный и непосредственный начальник?!

Прыжок с подножки на бетонку получился совсем не спортивным: затекшие за ночь ноги резко воспротивились таким ударным нагрузкам, и к заднему борту лейтенант не дошел, а дохромал. К тому времени из кузова уже доносилось шевеление, однако эффект внезапности не был окончательно утерян. Из-под опущенного брезента торчала нога в высоком кирзовом ботинке. «Не Простаков, точно. Размер не его», – определил Мудрецкий, прицелился и резко дернул.

В кузове обиженно квакнули, потом нога задрыгалась, пытаясь вернуться на исходную позицию. Сразу не получилось – мешали борт и брезент.

– Кисляк, ты чего елозишь? – грозно пробормотал кузов голосом Простакова. – Еще раз шевельнешься – оторву все, что мешает!

Мудрецкий довольно улыбнулся, проверил горло – нет ли застрявших последствий кошмарного пробуждения – и набрал воздуха побольше:

– Взво-од, подье-ом, тревога!!! – немного подумал, вздохнул и добавил: – С оружием – к машине!

«Шишига» затряслась в замысловатом танце, приходившемся дальним родственником не то «цыганочке», не то выступлениям звезд ночных клубов. Наконец покачивания и подергивания под уже совершенно непристойное звуковое сопровождение закончились долгожданным стриптизом. Брезент взметнулся на крышу, проворные ладони резкими ударами приласкали призывно торчащие ручки стопоров – и грохнул борт, на долю секунды опережая барабанную дробь посыпавшихся на бетон подкованных рубчатых подошв.

Бойцы химзвода обалдело пытались рассмотреть что-нибудь в окружившей машину мути. В пределах видимости был только лейтенант, пока что никакой угрозы не представлявший. По какому поводу нужно было выскакивать с автоматами, не мог сообразить никто.

Мудрецкий еще раз вздохнул, осмотрел свое суетящееся воинство и решил не выпускать инициативу из крепких офицерских рук.

– В одну шеренгу... становись! Рав-ня-айсь! Сми-ирно-о! Валетов, была команда «смирно»! Ты что, еще и ухом вчера приложился?!

– Не-ет, товарищ лейтенант, – страдальчески сморщился Фрол. – Мне и того хватило... Вот и не могу я смирно. Не разгибаюсь.

– Сейчас вылечим, – ласково пообещал Мудрецкий. – Ну-ка, Простаков, помоги другу принять строевую стойку!

– Не надо, я лучше сам! – неожиданно обретенной выправке Валетова могли бы позавидовать солдаты Кремлевского полка. Того самого, что ходит строевым перед президентами и делегациями. Впрочем, орлы из почетного караула вряд ли когда-нибудь окажутся в окрестностях поселка Шиханы-2, так что этим утром рядовой Валетов наверняка был самым стройным солдатом в окрестностях.

– Вот видишь, военная медицина творит чудеса. – Лейтенант бдительно оглядел строй и обнаружил недостачу. – А Резинкин где?

– Он же в кабине был! – удивился кто-то.

– Та-ак... Точно к вам не перебрался?

– А куда бы он делся? – прогудел Простаков. – То есть где бы мы его положили? Там и без него поперек лежали, а все равно впритык было.

«Соседи, блин. Спецназ, – тоскливо подумал Юра. – Их шуточки, не иначе. Выкрали водителя из машины, чтобы никто не заметил, и убежали подальше. А потом будут ржать, пока не охрипнут: мол, у химиков хоть командира укради...»

– Значит, не было. Ну, тогда для утренней разминки сейчас будем его искать. Предложения есть? – лейтенант посмотрел на Валетова. Тот вытянулся так, что стал на пару сантиметров выше, но промолчал. Травма заметно сказывалась на его обычно неистощимой смекалке, вызывая серьезные подозрения насчет места расположения у бойца мыслительного аппарата. Юра с трудом подавил в себе биолога, утешаясь тем, что для таких исследований здесь место не слишком подходящее. Да и оборудования под рукой нет. Штык-ножом попробовать, что ли? Ладно, вот обживутся, побывают в местных лабораториях... Не может быть, чтобы здесь никого не вскрывали. Надо будет с коллегами поговорить, может, тоже заинтересуются.

– Разрешите, товарищ лейтенант? – Бас с правого фланга вернул Мудрецкого к скучной действительности. – Может, я покричу для начала?

Мысль была дельной, и Мудрецкий благосклонно кивнул, не прерывая приятных научных размышлений. Это его и подвело. Вспомнивший студенческие годы лейтенант не успел последовать примеру своих подчиненных и заткнуть уши.

– Ви-и-те-о-ок!!! – паровой сиреной взревел Простаков. Туман в ужасе задергался и начал сворачиваться, словно поспешно скатываемый коврик. – Ре-э-э-зи-и-и-на-а-а!!!

Туго свернутый туман с размаху залепил Мудрецкому оба уха. Через эту противную помеху вроде бы донесся слабый отклик – но откуда он пришел, разобрать не удалось. Зато сибиряк расплылся в улыбке и ткнул пальцем куда-то в колышущиеся молочные волны.

– Вон там он, бродяга. Далеколько, однако. Еще разок позвать?

– Давай! – махнул рукой лейтенант и тут же прикрыл ладонями пострадавшие от звукового удара органы слуха. На этот раз все получилось: отчетливо донеслось жалобное «ау!».

– Пошли! – Юрий решительно поправил фуражку, сдвинул козырек почти на брови. – Простаков, остаешься у машины. Часы есть?

– Есть, – удивился тот. – А зачем вам?

– Засакай время, будешь орать каждые пять минут. Назначая тебя маяком. Остальным идти цепью, друг друга из виду не терять. Если оторветесь и заблудитесь, идти на звук, понятно?

– Так точно! – вразнобой ответил взвод.

– Тогда – цепью, за мной... марш!

Не успела поисковая группа пройти и трех шагов, как со всех сторон налетел рокошующий низкий гул, словно вокруг разом стартовали несколько мощных ракет.

– В долинке мы, однако, товарищ лейтенант, – пояснил из-за спины Простаков. – И не сказать, чтобы в маленькой. А вот леса тут мало, – послышался разочарованный вздох. – Кажись, только с одной стороны.

– Леха, что это было?! – повернулся к другу Валетов. Ростом он стал еще чуть выше – а может быть, это только казалось из-за приподнявшейся над короткой стрижкой кепки.

– Эх докатилось, – ответил бывший охотник и взглянул на часы. – Я говорю – долинка здесь какая-то. Вы бы шли, товарищ лейтенант, а то там Витек совсем заплутает...

В это время из тумана снова донесся рокот, но на этот раз более четкий, drobный. Постепенно усилился, превратился в дружный перестук – и на бетонке вновь показалась могучая фигура в камуфляже и с автоматом. Протопала мимо химиков, мимо зеленого борта и скрылась из виду за машиной. Соседи возвращались с разминки.

Последним, подбадривая отстающих легкими движениями приклада, бежал старший лейтенант Волков. На этот раз он остановился, чуть склонил голову к плечу, изучая неровную цепочку посторонившихся спасателей, и широко оскалился – в полном соответствии с фамилией.

– Привет, химики! Это не ваш боец там за толчком прячется? Его что, пронесло? Вы глядите, чтобы нам дизель не подарили!

– У нас дизелей нет, – улыбнулся Мудрецкий. – У нас машина на бензине ездит. А кто там сортир караулить взялся?

– Э-эх, ребята, повезло вам. Ни разу с дизентерией не знакомились? Ничего, все впереди, как раз сезон нынче, – подбодрил старлей и сдвинул на затылок свой берет. – Вот тогда точно дорожку протопчете... только лучше в госпиталь. Чем раньше, тем лучше, это я по опыту говорю. Так что посмотрите, чего он у вас далеко не отходит. Вообще, земля, дикий он у тебя какой-то. – Волков доверительно наклонился к командиру химиков. – Нас увидел – сразу прятаться начал. Мы пробежали – он вообще куда-то скрылся. Обратно бежим – то же самое. У него как, крышу не сносит?

– Вроде бы раньше не было, – удивился Юра. – И вообще надо выяснить, наш ли это боец. Как вы его в таком тумане разглядели-то?

– Ну ты спросил! – довольно ухмыльнулся Волков. – Чтобы разведка бродячего солдата не заметила! Э-эх, Юра, мы бы с тобой не разговаривали, если бы мои бойцы в тумане человека

не засекали. А ну как засада, да еще в лесу, в горах? То-то! Естественный отбор – ты у нас, кажись, биолог, должен знать про такие вещи. Все, побежал я, пока мои не расслабились.

Топот удалился и затих, зато там, куда убежали разведчики, послышалось злобное рычание. В ответ ему откуда-то снова откликнулось негромкое «ау!», почему-то завершившееся отчетливым треском.

– Простаков! – обернулся лейтенант. – А ну-ка, иди сюда, Соколиный Глаз! Следы читать не разучился еще?

– Вроде не должен, – степенно отозвался Леха, начиная осматривать вытоптанную траву возле бетонки. – Искать, где мы вчера ходили?

– Соображаешь, – одобрительно кивнул Мудрецкий. – Веди к сортиру, наследник Сусанина.

– Не было у нас таких в роду, – проворчал младший сержант, уверенно ныряя в серую завесу. – Идите, что ли, а то потом все потеряемся. Эк затянуло-то...

Через минуту стало ясно, что следопыт из сибиряка и в самом деле получился отменный. В туманную сырость сначала робко, а затем все мощнее проникал специфический запах. Наконец он достиг такой силы, что и окружающая дымка показалась коричневой с желтыми струями.

– Стоп! – внезапно вскинул руку идущий впереди Простаков. – Он тут только что проходил. Разу по третьему, не меньше.

– Резинкин, ко мне! – Командную жесткость и четкость голос Мудрецкого обрел сам собой, без всякого внутреннего усилия. Бывают ситуации, когда даже самые воспитанные и интеллигентные выпускники университетов забывают о достижениях современного гуманизма и начинают вспоминать давние русские традиции. Например, в области телесных наказаний. Было же время, когда офицер без вмешательства прокуратуры мог всыпать провинившемуся солдату прутьев... или плетей... или хоть в морду дать... а то и в Сибирь... Хотя нет, посылать пешком в Сибирь водителя Резинкина можно было только в сопровождении его здорового приятеля. Поскольку даже на каторжном этапе этот моторизованный раздолбай умудрился бы пойти не в том направлении и вместо Байкала вышел бы к Индийскому океану. И никакие общие веревки и парные кандалы ему не помогли бы остаться в коллективе.

– Может, я крикну? – предложил свои услуги обладатель самой могучей глотки хим-взвода.

– Отставить, Простаков! Я сейчас с ним сам разберусь. – Лейтенант Мудрецкий начал тихо звереть. – Ефрейтор Резинкин, ко мне!

– Товарищ лейтенант, я здесь! – хриплым шепотом ответил туман.

– Ко мне, я сказал! Бегом!!! – Белесая пелена взвихрилась с громким присвистом, который помешал расслышать дальнейшие приказания. Химики расслышали только самый конец фразы, в котором поминались чья-то мать и различные животные – от раков до козлов.

– Не могу я идти, товарищ лейтенант. – Резинкин то ли вздохнул, то ли всхлипнул. – Я сейчас упаду...

– Тогда падай и ползи! – Мудрецкий был беспощаден.

– Если упаду, тогда и ползти не смогу! – Отчаянный хрип звучал как-то странно.

– Да что там у тебя... – Лейтенант двинулся на голос. Перед ним показалась из тумана серая стена. «Фанерка, – заметил Юрий. – В прошлом году не покрасили, за зиму покоробилась и подгнила кое-где. Это, надо понимать, и есть здешний сортир». Определив по запаху направление, Мудрецкий двинулся ко входу. Конструкция была не то чтобы стандартная, но достаточно распространенная: над обширной ямой на сваренном из труб каркасе располагались фанерные стенки и шиферная крыша. Дешево, прилично, в случае необходимости быстро монтируется, ремонтируется и демонтируется. При должном уходе выдерживает прямое попа-

дание любого необученного духа, заработавшего в полевых условиях неизбежное расстройство не привыкшего к тяготам и лишениям военной пищи желудка.

Двери, разумеется, не было. Остановившись перед прямоугольным проемом, Юра пожалел, что оставил противогаз в машине. Вот куда иностранные делегации водить – особенно наблюдателей от вероятного противника! В целях сокращения вражеского командного состава...

– Резинкин! – каркнул в едкую темноту лейтенант и тут же отвернулся, безуспешно стараясь поймать хоть ничтожную струйку чистого воздуха.

– Я-а... – совсем уже вяло отозвался голос откуда-то справа. Мудрецкий заглянул внутрь и протер слезлившиеся глаза. Посмотрел еще раз, потом достал очки. Улыбнулся, не разжимая губ, и продолжил обход общественного здания.

В одной из секций фанерной обшивки имелся свеженький, только что образовавшийся пролом. Ну, может быть, не сию секунду, но этим утром – наверняка. А еще вероятнее – несколько минут назад, когда до стоящей на бетонке «шишиги» донесся громкий, тогда еще необъяснимый треск. Отверстие в точности повторяло контуры человеческого тела, средней комплекции и среднего роста. Само тело, принадлежащее ефрейтору Резинкину, в настоящий момент располагалось в весьма неустойчивой и неудобной позе.

За проломом не было обычной кабинки с дырой в полу. Да и пол как таковой напрочь отсутствовал. Вместо него из стальной рамы щерились огрызки гнилых досок, а две доски покрепче служили дверью – крест-накрест закрывали опасный отсек от неосторожных посетителей. Правда, такое ограждение было рассчитано только на тех посетителей, которые могли проникнуть в сортир обычным путем. Резинкину, можно сказать, повезло: он зацепился берцами за трубу на краю пролома, а руки успел раскинуть как раз по ширине бывшей кабинки. И теперь лучший водитель отдельного мотострелкового батальона, победитель международного соревнования и специалист по сложным угонам висел над благоухающей многолетними завалями ямой в положении, которое обычно называют «упор лежа».

– Ну и кто тут падать собрался? – с доброй улыбкой спросил подчиненного Мудрецкий. – Ты же у нас чемпион взвода по этому виду спорта. Забыл, как перед корреспондентками стоял?

– Так тут дышать... – прохрипел Резинкин, закашлялся и неловко дернулся. Ботинки отчетливо скрипнули по трубе.

– Да-да, конечно, – кивнул лейтенант. – А тогда перед этим в противогазах бегали, да еще и пели в упор. Споешь?

Резинкин хотел помотать головой, но вовремя передумал. На склизкой трубе удерживались только крохотные закраинки-рантики подошв, и неловкое движение могло вызвать катастрофу, по сравнению с которой «Титаник»... В общем, тот хотя бы в воде утонул.

– Ну тогда хотя бы расскажи, как ты дошел до жизни такой! – Мудрецкий присел на корточки и с интересом разглядывал белые-белые глаза бойца на багровом лице. – А заодно доложи своему командиру: какого хрена ты нас перед спецназом позоришь? Ладно, молчи и виси. – Лейтенант поднялся и крикнул в туман: – Простаков, Ларев, сюда! В обход толчка! Бегом! Мы его теряем!

Через пять минут спасательная операция была успешно завершена, и Резинкин собственноручно приколачивал на место доски ограждения. На яму под ногами он при этом старался не смотреть. Пролом в стене заделывать было нечем, и следы происшествия были заметны издали – хорошо хоть не со стороны палаточного лагеря.

– Ничего, товарищ лейтенант, зато дышать легче. – Простаков потянул своим опытным носом и остался доволен результатом. – А то додумались, построили без отдушины. Теперь будет.

– Это точно, – поспешил подтвердить Валетов. – Вентиляция на уровне стандартов. Я учился...

– Знаю, знаю, в архитектурном. – Мудрецкий был настроен не столь оптимистично, как его подчиненные. В конце концов, за поврежденный сортир отвечать придется не Резинкину, а его командиру. – А теперь будешь осваивать смежную профессию мойщика автомобилей. Не забыл еще?

– Так вы же Лехе поручили! – занял было Фрол, но увидел над плечом лейтенанта кулак, больше похожий на богатырскую дубину Ильи Муромца, и замолчал.

– Значит, помнишь. И сделаешь это быстро-быстро, пока не приехали наши здешние отцы-командиры. Вопросы есть?

* * *

Вопросы были у отцов-командиров. Начальство прибыло достаточно поздно – времени хватило и на исправление последствий ночного происшествия, и на добывание остатков сухого пайка, предусмотрительно прихваченного из родного батальона. И даже – в чем просматривался недавно обретенный командирский талант и опыт лейтенанта Мудрецкого – на приведение внешнего вида в соответствующее торжественному моменту состояние.

Утренний туман давно и бесследно рассеялся, в небе припекало летнее солнышко – пока по утреннему времени, не особенно сильно, но уже вполне однозначно намекая на жаркий денек. С последним взмахом щетки над сияющими ботинками откуда-то донеслось негромкое урчание моторов. Лейтенант достал выклянченный накануне у Евздрихина мощный бинокль и оглядел окрестности.

Как и предсказывал Простаков, учебный лагерь располагался в долинке. Точнее, на одном из ее склонов – отлогом куске степи, где-то на севере утыкающемся в невысокие холмы, поросшие густой щетиной деревьев. У подножия холмов виднелись здания – не то жилой городок, не то какой-то здешний сверхсекретный объект. Над крышами поднималась мрачного вида труба. По дну долины пролегла асфальтовая дорога, сворачивавшая на противоположный склон и терявшаяся за гребнем. «Парадный асфальт», – припомнил Мудрецкий и попытался вычислить тот маршрут, которым его сюда занесли «шишига» и нелегкая военная судьба. Сразу не получилось, зато попутно на полигоне обнаружилось довольно много интересных вещей: танки, некоторые из них вполне могли помнить если не Курскую дугу, то уж точно штурм Берлина... БТРы, выглядевшие так, словно участвовали в испытаниях ядерного оружия – интересно было бы их с радиометром проверить... какие-то окопы, блиндажи, бетонные колпаки... старший лейтенант Волков со своими разведчиками... странная решетчатая конструкция на холме за лагерем, больше всего напоминавшая сложенный в кукиш огромный локатор... три «УАЗа», пылящих по грунтовке совсем рядом...

– Взвод, к машине! В одну шеренгу... – заорал лейтенант, бросая бинокль в кабину и захлопывая дверцу. – Резинкин, автомат не забудь!

Через три минуты небольшой пыльный кортеж остановился возле замерших на обочине бетонки химиков. Скрипнули дверцы, и из головного «УАЗа» неторопливо выбрался невысокий лысенький полковник. Вытащил кепку из-под погона, прикрыл розовое сияние. Оглянулся, кивнул – свита поспешила с высадкой.

– Смир-р-на! – Мудрецкий взглядом выровнял шеренгу и втянул животы. – Равнень-на-ле... – скрипнул каблучком, впечатал подковы в бетон. За два шага до начальства остановился, бросил ладонь к козырьку. – Товарищ полковник, взвод химзащиты отдельного...

– Вольно! – Начальство явно пребывало в благостном расположении духа. – Во-первых, не взвод, а половина взвода... ну ладно, раз командир здесь, будем считать целым. Нам хватит. Во-вторых, лейтенант, я о вас знаю больше, чем вам хотелось бы. Вы еще не приехали, а меня уже осчастливили новостью, кого мы в гости ждем. В-третьих, машину с бетона убрать

– мешает проезду. Да не дергайся, не дергайся, успеешь еще. Ну-ка, пойдём, познакомимся с твоими птицами.

– А... почему птицами, товарищ полковник? – опешил Мудрецкий.

– Потому что они у тебя такие же химики, как курица – птица, – охотно пояснило начальство. – А еще потому, что они у тебя орлы. Такие, которые в лесу живут и вечно что-то долбят. Ничего, через пару месяцев их родная мама не узнает. Сами не взлетят – с ноги запускать будем.

Полковник остановился напротив Валетова, подергал ремень – снаряжение не болталось. Снаряжение было вдавлено в живот до писка в последнем. Бляха не блестела по единственной причине – была покрыта серо-зеленой краской. Штык-нож висел строго на отведенном ему уставом месте – на ладонь от пряжки.

– Это у нас кто? – начальство повернулось к командиру взвода.

– Рядовой Валетов! – доложил лейтенант, с некоторым содроганием пытаясь понять причины любопытства.

– Тот самый? – полковник ухмыльнулся и посмотрел в глаза солдату. – А по виду не скажешь... Это ты, что ли, с обезьяной обнимался?

– Так точно, товарищ полковник! – бодро ответил Фрол. – Только, виноват, скорее она со мной.

– А это уже дело ваше, кто с кем. Мое дело – чтобы ты здесь без нее не скучал. Меня вчера об этом лично генерал Лычко попросил. Так что готовься к экстремальным видам спорта, боец. – Начальство с изяществом и мягкостью танковой башни развернулось к ссыльному взводу. – Я полковник Копец, ваш царь и бог на этой территории, старший начальник вашего учебного цикла. Кто-то хихикнул в адрес моей фамилии? Правильно, никто. Потому что я к вам пришел, и вы это скоро поймете. С этого дня вы узнаете, что такое настоящая служба в героических войсках радиационной, химической и биологической защиты. Для начала вами займется представитель особого отдела майор Сытин. Товарищ майор, подойдите сюда!

От группы офицеров, потихоньку дымивших табачком возле «уазиков», отделился невысокий человек с совершенно обычным лицом. Из запоминающегося на этом лице были, пожалуй, только глаза – добрые, усталые, совершенно не военные. Впрочем, и весь майор в своем камуфляже выглядел как-то странно, словно форма на нем была с чужого плеча. Гораздо проще было представить его в чем-то штатском – в строгом сером костюме, например.

– Вот этот человек разберется, кого из вас можно чему-то обучать, а кого сразу забирать для опытов. – Полковник улыбнулся радостной улыбкой вампира, после месяца голодовки наконец-то увидевшего на ночном кладбище случайного прохожего. – Если после этого в строю останется хотя бы половина, можно будет тратить на вас казенные деньги и наше время. Учить вас будут вон те офицеры, которые разговаривают об охоте и которых я пока что не хочу отвлекать от этого занятия ради вашего курятника. Обратите внимание, товарищи солдаты, на того, что с седыми усами. Это подполковник Васьков, мой заместитель и ваш главный палач. Ему поставлена боевая задача пройти с вами полный курс учебки, а это, как вы знаете, полгода при обычном обучении. У подполковника Васькова есть дополнительный стимул: в отпуск он пойдет только после того, как покончит с вашим образованием. Через месяц в наших местах начинает хорошо ловиться щука, через три, а при такой погоде и раньше, – полетят утки. Оба события ваш наставник не хочет пропустить. Лейтенант, вам все понятно?

– Так точно, – монотонно севшим голосом просипел Мудрецкий. – Разрешите вопрос, товарищ полковник?

– Разрешаю, – величаво кивнул Копец.

– По какой специальности будем обучаться?

– Очень хороший вопрос, просто замечательный. – Веселье и благосклонность начальства кончились, зато во взгляде появилось что-то общее с Терминатором. Стоящим в строю бойцам

на секунду померещилась возникшая в его зрачках прицельная сетка. – Вначале, обсуждая пожелания генерала Лычко, мы собирались готовить из вас подразделение спецобработки, тем более что на территории нашего полигона, – полковник широко взмахнул рукой, – есть что убирать и обрабатывать... Например, всерьез заняться местностью, на которой проводились учения с применением боевых отравляющих веществ. Я лично поддержал именно это предложение.

«А у меня на химзащите бахил расклеился», – тоскливо подумал Мудрецкий.

«Надо будет клапан в противогазе на место поставить», – проплыло в голове Резинкина.

«Точно, копец к нам подобрался», – Простаков понял, что о тайге и охоте можно забыть.

Придется переезжать ближе к городу и докторам.

– Однако у нас с генералом Лычко свои интересы, а у родины свои, – с нескрываемым сожалением продолжил полковник Копец. – Родина считает, что управляться со шлангами можно и обезьяну научить, причем в кратчайшие сроки. Валетов, ты у нас специалист – как думаешь, за сколько дней обезьяна научится танк мыть?

– Если такая, как Люська, – дня за три, товарищ полковник, – бодро отрапортовал Фрол. – А маргышки – они дурные и мелкие, шланг не удержат.

– Вот так, значит – в случае войны мобилизуем твою Люську. А вы как-никак считаетесь взводом химзащиты, для пехоты вообще профессионалы. Так вот, наша любимая родина решила, что сейчас нам нужнее специалисты в области радиационной, химической и биологической – чего?

– Разведки, товарищ полковник, – предположил Мудрецкий, вспоминая ночной разговор с Волковым.

– Точно, – подозрительно покосился Копец. – Правильно мыслишь, лейтенант. Хотя ты и пиджак, а фамилию оправдываешь. С приборами работать – это тебе не в шахматы какие-нибудь играть, тут думать надо. И много чего уметь. Я вам обещаю, товарищи бойцы, что через те немногие месяцы, что вы будете наслаждаться нашим гостеприимством, вы сможете не только правильно обращаться со всей техникой, которую можно вам доверить, но и определять уровень радиации и наличие вредных примесей вообще без всякого оборудования. По виду, запаху и кожному зуду. Проведенные нашими учеными эксперименты, – на этот раз полковник махнул рукой вполне целенаправленно: туда, где Мудрецкий заметил дома с торчащей трубой, – так вот, они доказали, что при длительной тренировке человек начинает воспринимать опасную для себя обстановку лучше любого прибора. Остальное вы узнаете только после беседы с товарищем майором.

Неприметный особист ласково улыбнулся побледневшей шеренге.

– Теперь по организационным вопросам, – полковник достал платочек, приподнял кепку и протер вспотевшее темечко. – Вам будут выданы пропуска, без которых на территории секретного объекта вас могут задержать, а могут и застрелить. Если что-то огорожено забором, а вы туда полезли без разрешения – вас обязательно застрелят, у нас за это премии полагаются. Если на заборе проволока – могут и не стрелять, это не обязательно. То, что не слишком прожаривается, мы обычно отдаем сторожевым собакам, так что ваши семьи сильно сэкономят на похоронах.

Попытка самовольного выхода за территорию объекта вызывает большой интерес майора Сытина и его коллег, они обычно засчитывают ее как дезертирство, но могут и шпионажем назвать – смотря куда вы успеете дойти. Если до внешнего периметра – тогда просто дисбат, если кто-то сумеет перелезть на ту сторону – может смело направляться на северо-восток и спрашивать дорогу до Магадана. Кто-нибудь вам обязательно поможет. С этим все ясно?

– Так точно, – замогильными голосами откликнулся строй.

– Вот и чудненько. – Полковник снова засиял улыбкой. – Тогда сегодня получите палатку, одной вам хватит. Кому не хватит, в машине расположится, заодно имущество посторожит...

Кстати, об имуществе! – спохватился добрый Копец. – Лейтенант, вы учебные пособия привезли?

– Нет, – удивился Мудрецкий. – Мне никто не сказал... А какие пособия? У нас в батальоне несколько учебников... Ну, еще приборы и техника, которые по штату, я только по ним занятия и проводил.

– Та-ак, вот тут-то я товарища генерала и обрадую... – Царь и бог обреченных химиков радостно потер руки. – У вашего комбата «УАЗ» химразведки под списание идет, вы с него должны были все ободрать и сюда притащить. Ну ничего, так даже интереснее. Новую машинку мы вам пригнали, вон она, в хвосте колонны.

Юрий посмотрел на указанное транспортное средство, но новой машины не увидел. На новых машинах обычно тенты, не выгоревшие до белизны, крылья не мятые и стекла без трещин. «Я в батальон не вернусь, – подумал он как-то отрешенно. Сегодняшний день явно приблизил его к пониманию тщетности всего земного. – Я здесь останусь. Если не сам буду опыты проводить, пусть на мне проводят. Хоть за науку загнусь, а не Стойлохряков живьем сожрет. Под чай с лимоном». Однако следующие фразы начальства вернули лейтенанту надежду дослужить оставшиеся месяцы на своей должности.

– Я вот тут посмотрел на вас. – Копец кивнул на правый фланг. – Так вот, кажется мне, что не все в «УАЗ» нормально влезут. Особенно в наш, химический. То есть упаковать-то и не таких можно, но приборы жалко. А поскольку для меня сейчас главная задача – обеспечить вам учебный процесс... Лейтенант, у вас в батальоне разведмашины есть? БРДМ?

– Так точно, у нас разведвзвод на них ездит.

– Вот и отлично. Получите новую машину, из парка НЗ. Завтра... нет, уже сегодня к вечеру вам ее тягач притащит, прямо здесь и принимать будете. Расконсервируете сами, своими силами. Водитель у вас опытный? БТР, БРДМ водил?

– Соревнования на международных учениях выиграл, – гордо доложил Мудрецкий.

– Значит, справится, – хмыкнул полковник. – А остальной личный состав поможет. Там работа не столько сложная, сколько трудная и нудная. Я думаю, за пару дней до ума доведете. Бензинчику мы вам плеснем, не пожалеем. Да, а водитель у вас что, только один?

– Один, – удивился Юрий и тут же понял, в какой переплет угодил. Обратно гнать уже две машины – это еще ладно, он и сам «шишигу» поведет. А вот разделить взвод на три отделения придется, и в каждом должен быть свой водитель... Вроде бы кто-то еще за рулем сидеть умеет, но никогда же, блин, не требовались!

Не дай бог, сейчас машину не дадут – это же верная смерть! Верная, медленная и мучительная, способ комбат подберет. Ладно, где наша не пропадала? Вот в Шиханах еще не пропадала, пришел черед.

– Если нужно, товарищ полковник, еще подготовим, кандидаты есть.

– Прекрасно, прекрасно, двоих вам хватит. Вторую машину мы вам дать не можем, будете на одной учить. В свободное от основных занятий время, пара часов в день у вас иногда найдется. Теперь, значит, насчет учебных пособий... – Копец снова снял кепку, на этот раз чтобы задумчиво приглядеть то место, которое она закрывала. – Лишних у нас нет, один комплект мы уже вашим соседям выделили, им нужнее. Вот что сделаем, лейтенант: позвоню-ка я в Саратов, там в училище этого добра – девать некуда. Самое новое не дадут, но вам и не обязательно. Все равно в пехоте приборы – старье, кто бы им что другое доверил? Так что закончите с техникой – обратитесь к подполковнику Васькову, он вам устроит командировку в Саратов. На своей машине и привезете. Понятно? Еще вопросы есть?

– Есть, товарищ полковник. – Мудрецкий не мог поверить своему счастью, но мечтать о поездке домой он будет потом. В палатке и с приятной тяжестью в желудке. – Как насчет питания и бани?

– Молодцом, службу помнишь... Насчет питания у нас было два варианта. Первый – пригнать вам с соседями на двоих полевую кухню и завозить харчи по норме. Второй – три раза в день гонять машину в столовую и возить оттуда в термосах. Мы тут подумали, и я решил, что для начала будет второй вариант, а потом, когда мы вас во-он туда перегоним, – полковник показал на зеленую полосу далекого леса, – выделим кухню, там с дровишками получше. А баню... Баню мы вам устроим. Нашу, химическую баню. Без парной, но зато с душем. И даже не один раз, это я точно обещаю. Что я еще забыл? Ага, с особистом побеседуете – сразу же через Васькова готовьте график нарядов. Все как обычно – через два дня на третий. Отделения у тебя маленькие получатся, так что один боец у тебя дневальным останется, одного будешь на кухню давать и одного – в караул. Вместе с представителями наших доблестных внутренних войск. У вас с ними, как я понял, контакт уже налажен?

– Пока только с командиром познакомились, – признался Юра.

– Ну, это главное, а у личного состава еще все впереди. Вы тут надолго. Правда, их могут и пораньше забрать, но времени познакомиться вам хватит. Так вот, я сейчас как раз к ним, а вас, лейтенант, я попрошу остаться. С вами сейчас будет говорить майор Сытин. Надеюсь, после этого еще увидимся.

* * *

Майор с добрыми глазами, изрядно уставшими от созерцания нынешнего армейского беспорядка, оглядел окрестности «шишиги». Не найдя поблизости подходящего кабинета, попросту присел на ближайший палаточный фундамент, непринужденным жестом великого фокусника достал откуда-то обычную офицерскую полевую сумку и вынул из нее самую обычную тетрадку. Девяносто шесть листов, в клеточку, без всяких рисунков на обложке. Щелчком пальцев особист вызвал из небытия шариковую ручку, посмотрел на остолбеневших солдат и грустно спросил:

– Ну, у кого-нибудь будут вопросы?

Через три минуты напряженного молчания Мудрецкий, как и положено командиру, решил показать пример своим бойцам.

– Простите, товарищ майор, но я думал... – добрые усталые глаза заставили Юрия запнуться, пробормотать что-то и замолчать.

– Это хорошо, что вы думаете, товарищ лейтенант. Я даже знаю, о чем. О том, что это у меня, представителя особого отдела, должны быть к вам вопросы. Кто, откуда, какую партию поддерживал на прошлых выборах, почему родину продаст... Список можно продолжать. Можно, но не нужно. То, что нам требуется о вас знать, мы и так знаем. Сразу скажу – никаких претензий к вашим орлам у меня нет. Можно, конечно, к каждому по мелочи придрататься, но этак мы должны всю армию под следствие пустить. А кто ее при этом охранять будет, вы не подумали? Вот то-то. Так что мы сейчас предпочитаем спрашивать наших... э-э-э... подопечных. Вот, например, рядовой Валетов – разве он не хочет узнать о себе что-нибудь новое и интересное? Смелее, товарищ Валетов, смелее!

– Я... ну-у... – Краем глаза Фрол заметил, как незаметно отодвигаются от него боевые товарищи. В строю ведь стоят, никто и сапогом не двинет, а как-то незаметно удаляются, удаляются... Это было и странно, и обидно, а обиженный Валетов становился способен на мелкие чудеса. Вот и сейчас он сделал то, что никогда бы себе не позволил в трезвом уме и здравой памяти. Вдохнул и спросил: – Товарищ майор, а почему бы я родину не продал?

– Дорого, Фрол Петрович, дорого! – по-отечески улыбнулся майор. – Настолько дорого, что вам никто и не предложит. Поэтому мы и можем позволить вам узнать некоторую часть секретной информации. Небольшую, сразу замечу: как раз такой стоимости, чтобы покупатели ваши согласились дать раза в три меньше, чем вам хотелось бы.

– Это как? – опешил Валет. – Это что, меня кинуть собираются, что ли?! Да я их за это!..

– Вот-вот, – кивнул особист. – То, что вы можете узнать, либо уже кто-то продал и поэтому сейчас никто не покупает, либо стоит столько... В общем, вам будет выгоднее сразу к нам обратиться. Продать, так сказать, своего покупателя.

– Это что же, он стучать будет? – угрожающе проворчал Простаков и начал высматривать приятеля, скрывшегося где-то на противоположном фланге. – Это что, он и нас продаст?

– Конечно же, нет, товарищ младший сержант. – Майор Сытин укоризненно посмотрел на сибирского Гулливера. – Как вы могли подумать такое о своем друге! Стыдитесь! К тому же, знаете ли, у нас сейчас стучат только радисты. Ключом. И то, знаете ли, все реже – автоматика, электроника, то да се... Можете быть уверены: никто из тех, кто сейчас стоит с вами в одном строю, с нашим отделом не сотрудничает. К нашему сожалению, конечно, но уж чего нет, того нет. Или, может быть, вы хотите?

– Никак нет, товарищ майор! – испуганно откликнулся Простаков.

– Жаль, жаль... Вот видите, вы не хотите, а почему же кто-то другой за вас должен эту работу делать? У нас, между прочим, все как во всей армии: если можно ничего не делать – значит, именно этим и займутся. Ну а насчет нашей осведомленности, которая вас так удивляет, так за нее нам родина деньги как раз и платит. За то, чтобы мы знали, какую машину угнал ефрейтор Резинкин и какая гражданка пишет письма младшему сержанту Простакову, например.

– Не угонял я ничего! – взвился только что названный ефрейтор, но под внимательным грустным взглядом особиста как-то съежился, ростом почти сравнялся с Валетовым и попробовал было спрятаться за спины товарищей, но не получилось – взвод стоял в одну шеренгу. Резинкин смущенно пробормотал: – Ну, было разок, но ведь по приказу же...

– А в отпуске – по заказу, – кивнул особист. – Кстати, должен вас похвалить за смелость и находчивость при выполнении этого заказа. Честно говоря, не у каждого моего подчиненного такое получилось бы. Может быть, вы... Ну хорошо, хорошо, как-нибудь попозже я с вами еще поговорю. Не бойтесь, мы, собственно, к милиции и прокуратуре имеем несколько отдельное отношение. Давнее и свое. Так что никто вас передавать в руки правосудия не собирается, по крайней мере сейчас. Пусть наши органы сами учатся работать как положено... Ну, с кем еще поговорим? Вот вы, рядовой Бабочкин, хотите о себе что-нибудь новое узнать?

– Не хочу! – стоявший рядом с Валетовым бывший конюх вздрогнул. – А что там нового?

– Правильно, для вас – ничего. Для нас тоже, и это не может не радовать, товарищи. В целом ваше подразделение можно считать вполне надежным, я бы даже сказал – благонадежным, насколько это вообще возможно на сегодняшний день. Поэтому сейчас вы будете подходить справа по одному и получать свои пропуска, расписываться и мирно вставать обратно в строй. Кто там у нас первый? Вы, товарищ Простаков?

– Я!

– Головка от... Подходите, товарищ младший сержант, получите и распишитесь.

Леха неуверенно шагнул вперед. В тот же миг тетрадка в руках особиста сменилась пухлой папкой, затянутой в красный виниловый кожзаменитель. Мелькнул несколько повитершийся, а некогда тисненый золотом герб СССР. Выше и левее его красовалась новенькая наклейка с цветным двуглавым орлом.

– Вот здесь, пожалуйста. – Майор ткнул ручкой в распахнувшиеся недра папки. – Хорошо, даже отлично, а это вам.

Простаков удивленно разглядывал зеленый квадратик запаянной в пластик бумаги, неведомо как оказавшийся прямо в его огромной ладони. С квадратика столь же изумленно взирало лицо солдата, честно отслужившего свой первый год. Отнюдь не та допризывная карточка, которую военкомат подклеивал во все документы, и уж совсем не одна из тех редких фотографий, которые Леха бережно хранил для своего дембельского альбома.

– Это где вы меня успели?..

– Где положено, – уклонился от прямого ответа представитель самой осведомленной структуры в армии. – Следующий, пожалуйста!

Следующий, Ларев, получил такую же зеленую карточку, а вот Резинкину досталась желтая. Багорин и Заморин удивленно разглядывали свои розоватые, а когда очередь дошла до Валетова, на свет появилась и вовсе красная.

– И что мне теперь, обратно ехать? – проныл Фрол. – Товарищ майор, а что это все значит?

– В вашем случае именно то, что вы слишком любите задавать такие вопросы, – устало улыбнулся Сытин. – Поэтому для всех будет лучше, если вы так и не узнаете ответов. Теперь вам, товарищ лейтенант. – Особист продемонстрировал красную книжечку.

– Я что, тоже... ненадежный? – поинтересовался Мудрецкий.

– Нет, что вы! – Майор ободряюще улыбнулся. – Вы же здесь, не так ли? Были бы ненадежны – мы бы сейчас разговаривали в другом месте. Это просто офицерский пропуск, здесь система другая. Вот, например, видите штампика с цифрами? Ваш допуск третий, то есть включая секретные объекты. Вот совершенно секретные для вас, увы, закрыты. Если захотите продолжить службу у нас – тогда дело другое. Подумайте, кстати, о такой возможности. Коллеги о вас достаточно лестно отзываются, да и специализация у вас вполне подходящая. Подумайте, Юрий Борисович, подумайте, у нас научная часть сейчас понемногу поднимается, перспективы есть... Так, на сегодня наши беседы, как мне кажется, закончены. До свидания, товарищи, еще увидимся!

После этих слов взвод замер. Все ожидали или плавного исчезновения особиста в колышущемся мареве, или мгновенного – с блеском, треском и запахом серы. Не произошло ни того, ни другого: майор Сытин захлопнул красную папку, аккуратно уложил ее в полевую сумку и неторопливо направился к «уазикам». То ли бетон перегрелся и дрожало возле него марево, то ли мозги у химиков перекосило в одну сторону, но всем показалось, что блестящие черные сапоги майора совершенно не касаются дороги.

Глава 2

Тяжело в учении – легко в раю!

Ефрейтор Резинкин плакал, и срывающиеся с его подбородка слезы прочерчивали блестящие дорожки в густой серо-зеленой пыли. Пыль ровным слоем покрывала броню чуда советской военной техники – боевой машины БРДМ-2рхб. Чудо только что притащил на стальном тросе обычный грузовик «ЗИЛ-131», поскольку самостоятельно передвигаться оно не могло. В поисках причины такого состояния выданной взводу техники Резинкин с Мудрецким только что открыли тяжеленный люк, заменявший броневика капот, и на ефрейтора снизошло откровение. Он понял, что приводить в рабочее состояние эту развалину будет он, только он и никто, кроме него. Ну, может быть, лейтенант кого-нибудь на подмогу выделит. Если двоих, тогда лет через пять они все сделают. А если всем взводом, то могут и до дембеля успеть. До его, Резинкина, дембеля.

– Ну как вам аппарат? – на броню весело запрыгнул седоусый подполковник Васьков. – Почти новый, и пяти лет не проездил! Потом, правда, на площадке долгонько простоял, но зато консервировали машинку по всем правилам. Еще в Советской армии паковали, солидола не жалели!

– Вижу... – мертвым голосом откликнулся водитель и смахнул каплю с кончика носа.

– Вот то-то! А еще мы сюда два года назад резину переставили. У нас тут одни раздолбаи... Ладно, неважно. В общем, запчасти у нас лишние появились, вот мы и подновили, что могли. Так что пару дней на косметику – и будет вам свой персональный лимузин! Да еще какой – бронированный, как у президента какого-нибудь!

– Сколько дней? – переспросил Резинкин, тупо глядя на обрывки проводов, поднимающиеся над коричневым сугробом. Увидеть еще что-нибудь через застывшую смазку было совершенно невозможно. О состоянии двигателя можно было только догадываться по торчащим тут и там дырявым трубкам и великолепно сохранившимся беззубым шестеренкам. – Двадцать? Не справимся, товарищ подполковник.

– Два дня, и справитесь, ефрейтор, – под чуть желтоватыми от табака усами обозначился хищный оскал. – Я вам обещаю, что справитесь. Выбор у вас простой: или вы послезавтра делаете круг по полигону на этой машине, или едете со мной на рыбалку. Мы с вами будем сомов ловить – я со шнуром, вы на крючке. Согласны? Нет? Ну ничего, есть и другие варианты. Тут у нас бочки подтекают, покрасить надо, могу вас туда послать.

– А что в бочках-то? – из командирского люка высунулся Мудрецкий, проверявший полагающиеся машине химразведки приборы.

– Иприт-люизитная смесь. Бочки немецкие, трофейные, – охотно пояснил подполковник. – Как у вас там дела, лейтенант?

– На букву «х», – доложил Юрий. – Только не подумайте, что хорошо. Прицела нет, навигационной аппаратуры нет, АСП нет... Полный список я к вечеру составлю, но пока что ясно одно – раскулачили машину. В таком виде я ее принимать не буду, а гнать в батальон – тем более. Если комбат в нее заглянет, мне уже никакой вазелин не поможет.

– Ничего-ничего, привыкайте, – задумчиво произнес Васьков. – Хотите, мы вас тут пока потренируем? Оно, конечно, правильно, что принимать не будете, это ваше право. Было дело, снимали мы с машин НЗ приборы, ставили на боевые... В общем, списочек к обеду подготовьте, я вам постараюсь найти что-нибудь. Но вот сами подумайте – зачем вам тот же АСП? Вы что, включать его собрались? Так он вам сигнал сразу выдаст, как только вы с места тронетесь, это я обещаю. Он не срабатывает только в чистом горном воздухе, если машина несколько

часов постояла на сильном ветру. И помыть ее перед этим хорошо. И на броню не выходить. Так зачем вам этот прибор, если честно? Только место занимает, а его внизу и так немного.

– Чтобы был, – пояснил Мудрецкий. – По инструкции он на эту БРДМ устанавливается, значит, пусть стоит. Подвинемся.

– Щоб було... – так же задумчиво пробормотал подполковник и пригладил ладонью усы. – Ну, пусть будет. А пулемет вам не нужен? Прямо с боекомплектom и прямо сейчас?

– Да неплохо бы и пулемет, – кивнул Юрий. – Из автомата нас учили стрелять, а вот из пулемета – ни разу. А если завтра война?

– Если завтра будет такая война, на которой потребуются химразведчики, то вы о ней не узнаете, – успокоил Васьков. – Может быть, будет больно, но недолго. Вряд ли успеете понять, что произошло, особенно если ночью начнут. Нас с вами в этом приятном месте поставят накрыть первыми же ракетами. В этом, лейтенант, преимущество нашей профессии перед десантниками, танкистами и прочими летчиками. Не исключен, конечно, и вариант с каким-нибудь новым Чернобылем, но в этом случае стрелять вам и не потребуется. А потребуются вам комплект химзащиты, прибор ДП-5 и чистое белье. В случае химической аварии – комплект химзащиты, прибор ВПХР и чистое белье. В случае биологической опасности – комплект химзащиты и два комплекта чистого белья.

– А почему два комплекта? – Резинкин очнулся, потряс головой и отвел взгляд от руин двигателя. – И какой прибор нужен будет?

– Приборов у нас на этот случай не предусмотрено, кроме все того же АСП, – пояснил главный наставник и палач химиков. – А два комплекта белья, товарищ ефрейтор, вам будут крайне необходимы, поскольку многие виды биологического оружия оч-чень плохо действуют на желудочно-кишечный тракт. Вы же не хотите в обосранном лежать?

– В больнице? – уточнил Виктор.

– Нет, в пластиковом мешке и в яме с хлоркой, – любезно уточнил подполковник Васьков. – Хотя, скорее всего, будем просто сжигать, не вынимая из химзащиты. Специфика службы, знаете ли. Можете сесть на свое законное место и почитать заметки, оставленные вашими предшественниками. Давай, давай, садись за руль, там наверняка что-то еще десять лет назад написали. Дембеля приходят и, так сказать, уходят. Вперед!

Резинкин протопал к водителскому люку, откинул полукруглую крышку и опустился на грязный дерматин сиденья. Огляделся. По пластику «баранки» вкруговую шла глубоко, навечно врезанная надпись: «Кто в жизни счастья не нашел, тот в химвойска служить пошел!» Наверху, чуть ниже поблескивающих окошек перископов, значилось: «Без противогазов не бздеть!» Слева, на борту, среди многочисленных имен, названий городов и букв «ДМБ» с давно позабытыми годами, обнаружилось полустертое поздними авторами наставление: «Служи, сынок, как дед слу...» Справа можно было различить только грязные штаны лейтенанта Мудрецкого и пыльные берцы, упирающиеся в обшарпанную рацию. Виктор нашарил в кармане нож, тихо раскрыл лезвие и начал старательно выцарапывать на борту: «ДМБ-2004». Еще раз посмотрел на соседние автографы, и вдруг до него дошло: первый из них был сделан в том самом году, когда крохотного Витю Резинкина привезли из роддома...

Сверху подполковник Васьков смотрел на замершего перед незыблемостью армейских традиций ефрейтора и прижимал палец к пожелтевшим седым усам. Потом наклонился к Мудрецкому и прошептал:

– Готовь список. Копец новые приборы все равно не даст, а мы попробуем из Саратова что-нибудь вытрясти. Проведем как учебные пособия.

– И пулемет? – шепотом спросил лейтенант.

– С пулеметом сложнее. Хотя... – Васьков прикусил кончик уса и некоторое время его задумчиво жевал. – Ладно, насчет пулемета тоже подумаем. Там кое за кем должок водится. Вот запустите эту машину, тогда и отправим вас за товаром.

– А раньше никак нельзя? – застонал Юра. Родной дом снова исчезал из его четких и ясных планов на ближайшие дни в зыбкое марево светлого, но далекого будущего.

– Раньше – никак, – жестко отрубил подполковник. – Хочешь пораньше, начинай сейчас. У «ЗИЛа» в кузове аккумулятор, бочка бензина, масло, тряпья груда – на ветошь. Если сегодня до вечера от смазки отодрать успеете, утром уже будешь знать, что из запчастей на первое время нужно.

– У меня водитель только один, а мне еще за палаткой ехать да в столовую гонять... – Мудрецкий с тоской посмотрел на маячившую в соседнем люке кепку. – Не успеем, товарищ подполковник...

– Ничего, ничего, учись командовать, пиджак! – под усами обозначилась усмешка. – Это тебе не пробирки бултыхать, тут думать нужно. Вот и думай: солидол оттирать – особой подготовки не требуется, да и права не нужны. Палатку три человека запросто поставят и обустроят. И еще не забудь после обеда провести занятие по гарнизонной и караульной службе. С восемнадцати ноль-ноль у тебя три человека в наряд идут, помнишь еще? А насчет столовой, это ты с соседями попробуй договориться. Они все это время бегом с термосами бегали, в порядке тренировки, но водитель у них точно должен быть. Эх, молодежь, все вам объяснять надо, на пальцах показывать...

* * *

У соседей, похоже, кого-то отпевали. Квадратные от мышц и пятнистые от камуфляжа фигуры сидели тесным кружком. Чинно сидели, по-японски – на пятках. Все напряженно смотрели на что-то, лежащее в середине круга на земле, и слушали заунывный голос старшего лейтенанта Волкова, чей берет равномерно покачивался почти в самой середине круга – как раз рядом с приковавшим всеобщее внимание предметом. Общую гармонию обряда несколько нарушал здоровенный парень с граблями, причесывавший траву вдоль бетонки. В этом отступнике Мудрецкий с трудом узнал бдительного ночного часового, провинившегося перед дежурным по части.

– ...В зонде расположена монтажная плата, на которой смонтированы элементы схемы усилителя-нормализатора, – донеслись слова торжественного песнопения, – и два газоразрядных счетчика: СТС-5 и СИ-ЗБГ. На плату надет стальной корпус... О, привет, Юра! – Речитатив прервался, и Волков вскочил на ноги. – Слушай, ты нам по-человечески не объяснишь, что здесь к чему?

Разведчики поднялись и почтительно расступились. Перед ними на чистом брезенте лежал зеленый ящик, в котором краснел какой-то знакомый предмет. Проклиная свою близорукость, Мудрецкий шагнул поближе, наклонился и взял в руки пластмассовый корпус прибора. Перевернул.

– Понятно. Изучаем радиометр-рентгенометр ДП-5А. Интересная штука, только несколько устаревшая. Это кто вам преподнес?

– Это Копец приходил, – несколько смущенно объяснил маленький старлей. – Знаю, что устаревший, вон у меня инструкция в руке – семьдесят четвертый год, мои родители тогда еще и не познакомились. А что я сделаю? Что дали, то и учим. Сказал – завтра у всего взвода зачет будет принимать. По радиации вообще и ее измерению в частности. Поможешь, сосед?

– Помогу, – кивнул Юра. – Но не бесплатно. У тебя водители есть?

– Спрашиваешь! – обрадовался Волков. – Целых трое, не считая внештатных. Тебе сколько нужно?

– Двоих. Одного – в столовую сгонять, второго – помочь моему Резинкину с бээрдэмкой управиться. Видел, какую развалину нам притащили?

– По-моему, нормальная машина, – удивился обладатель красного берета. – Вроде бы не очень битая. А что там с ней?

– Раскулачили, пока на консервации стояла. Васьков приказал, чтобы через два дня на ходу была.

Волков присвистнул и кивнул:

– Тогда понятно... Ничего, у нас такие были, найду я тебе специалиста, это не проблема. Больше ничего?

– Понимаешь... – настал черед Мудрецкого смутиться и отвести глаза. – Мне сегодня в караул кого-то посылать, а бойцы у меня толком службы и не знают. У нас на половине постов вообще без оружия стоят...

– Везет же людям! – выпучил глаза старлей. – А мы ни разу без бронежилета не караулили! Ладно, проведу я с твоими разъяснительную работу. Мой тебе совет – сегодня в наряд самых слабосильных посылай, остальным вокруг машины работы хватит. Теперь иди сюда и объясни: что это за зверь такой – зонд? И куда его втыкать?

– Зонд – это такая херня на ручке. – Юра вытащил из ящика нужный предмет. – Из ручки выходит кабель и втыкается вот в эту дырку на корпусе. Этим зондом меряют радиацию, а результат показывает стрелка на приборе. Если вот этот выключатель стоит на «200», а стрелка посередине шкалы – у вас есть время сделать доклад и написать завешание. Если стрелка ушла вправо до упора, придется выбирать. По уставу полагается доложить, но если у вас семья – завешание важнее.

– А почему нельзя и то, и другое? – прогудел кто-то из обступивших Мудрецкого разведчиков.

– Потому что на оба дела сразу вам времени не хватит. Через пятнадцать минут вам все равно придется снимать противогаз. Или респиратор, или что у вас там будет надето.

– А зачем его снимать? – полюбопытствовал еще кто-то. – Отравимся ведь!

– Вы в противогазе блевать не пробовали? – спросил любопытного Юрий. – Очень неудобно, глаза заливают, и дышать нечем. Что касается отравления, то, во-первых, от проникающей радиации химзащита не спасает, а во-вторых, при такой дозе можете свободно курить и пить неразбавленный спирт. Здоровыми вы все равно уже не померете...

– И что же тогда делать? – раздался чей-то обиженный голос. – Чем от этого лечат?

– Вообще-то ничем, но некоторые врачи назначают грязевые ванны.

– И что, помогает? – заинтересовался Волков.

– Нет, не помогает. От этого вообще ничего не помогает. – Мудрецкий покачал головой. – Зато к земле привыкаешь...

* * *

Над секретным объектом Шиханы-2 перемигивались яркие летние звезды. Дождя этой ночью не было, тумана не было тоже, и вообще облака если и ползли по небу, то где-то далеко в стороне. Даже ветерок, поднявшийся ближе к вечеру, заснул сразу после заката. Кому-то такая погода может показаться благодатной. Особенно если этот кто-то не одет в военную форму, мало приспособленную для душных летних вечеров, и вдобавок не нагружен пудовым бронежилетом, стальной каской, автоматом со штыком и двумя полными магазинами...

Вы говорите, современный магазин – это не так уж много, всего полкило? Кому немного, а Валетову сейчас даже пуговицы казались свинцовыми. Со всей непривычной нагрузкой он уже больше часа вышагивал по здоровенному прямоугольнику, огражденному двумя рядами колючей проволоки. И не было рядом никого из товарищей, чтобы его поддержать – если не физически, так хоть морально. Поговорить, например. Когда горячие ручейки текут из-под каски за воротник, а из-под бронежилета – куда-то ниже поясицы, поговорить очень хочется.

Высказать все, что наболело в простой солдатской душе. Высказать простыми русскими словами все, о чем думается под этими яркими звездами – о начальстве, поставившем тебя на этот пост, о политике, из-за которой приходится париться в бронежилете посреди мирной страны, о военной службе, которая не дает спать честно тянущему лямку уже больше года солдату – почти что деду, между прочим! Ну, не совсем деду, конечно... и не совсем честно... но все-таки!

Утешало одно: в отдалении, на чернеющем в ночи склоне, светились неподвижные фары «шишиги» и мигали огоньки переносных лампочек. И тот же Леха Простаков, которому в этом бронежилете стоять было бы как в маечке, сейчас не спит. Леха Простаков и Витек Резинкин сейчас по уши в липкой вонючей жиже, ползают по бетону на спине или дергаются над развороченным и раздолбанным моторным отсеком старой бээрдэмки. А вокруг них бегают с тряпками, палками и гаечными ключами все остальные – что-нибудь чистят, отскребают, отвинчивают, промывают и пытаются завинтить обратно. Шуршат, в общем. И шорох этот будет слышен до самого утра, а потом еще и днем. И никто, никто, даже лейтенант Мудрецкий, не будет сегодня спать. Потому что через два дня – и даже меньше! – Резинкин пойдет красить бочки с ипритом, а Мудрецкий не попадет в свой Саратов, если подполковник Васьков не покажется на этой бронированной рухляди.

И только рядового Валетова никто не припашет, не застроит и не заставит возиться в грязи – по крайней мере до восемнадцати ноль-ноль завтрашнего дня. Рядовой Валетов всего-то через час, если останется жив, выползет из бронежилета и упадет на койку, чтобы отдохнуть лежа почти четыре часа. Рядовой Валетов будет спать точно по расписанию, и никто не посмеет потревожить его покой. Потому что рядовой Фрол Валетов – часовой, а часовой по уставу, закону и обычаю – лицо неприкосновенное. Государственное лицо, не менее важное, чем президент или подполковник Стойлохряков. И не просто часовой, а на посту особой важности. Бдительно охраняющий секретный объект.

Что было внутри этого объекта, Фрол не знал. Не сказал ему никто – вот такая вопиющая несправедливость. А может, там как раз эти самые бочки с ипритом и лежат? Лежат себе, подтекают потихоньку, cedят в свежий ночной воздух свои ядовитые испарения – и никакого противогаса нету... Или, чем черт не шутит, сложены за железными воротами какие-нибудь вакуумные бомбы. А потом одной из них станет скучно, и покажут в новостях очередной «взрыв склада боеприпасов N-ской воинской части». Причем часовой, естественно, будет числиться пропавшим без вести, пока кто-нибудь не заметит среди пожарища оплавленные гвозди от его ботинок. Если хотя бы их не снесет ударной волной.

Валетов тяжело вздохнул, поправил сползшую на уши каску и поддернул ремень автомата. Делать на этом посту часовому в общем-то нечего. Нужен он здесь на тот невероятный случай, если страшные злодеи, чудом или хитростью миновав внешний периметр, найдут именно этот склад и вознамерятся подпалить его при помощи бутылок с бензином. Или выломать бульдозером ворота и потом грузить начинку секретного объекта в грузовики. Причем не в длиннющие фургоны дальнобойщиков, а в юркие «Газели». И тех должно быть немного – потому что через десять минут здесь уже будет поднятый по тревоге караул, а через двадцать – сбежится все население химической столицы. И часовому для этого даже не нужно ни кнопки нажимать, ни даже рот открывать. На этот случай техника имеется.

Фрол уважительно посмотрел на проволочный забор. Ну, два ряда плотно переплетенной «колючки» на бетонных столбах – это мелочи, это от бродячих собак. Блестящие кольца режущей «егозы» поверху – соответственно, чтобы птички не садились. А то сядет птичка не на самый верх, а чуть сбоку, на тот козырек, где проволока на изоляторах растянута, – и привет, короткое замыкание. Это все даже не прошлый, а уже позапрошлый век.

Век двадцатый оставил охране склада мощные, киловаттные прожектора по углам и скромные стальные столбики между рядами проволоки, поближе к внутреннему. Не слишком

высокие – в человеческий рост. Ничем не примечательные, если бы не прицепленные к ним серые коробочки с небольшими окошками, блестящими черным стеклом. Коробочки висели на столбиках довольно густо, и между невидимыми инфракрасными лучами пробраться не было ни малейшей возможности.

А чтобы коварный диверсант не соблазнил часового выключить хитрую сигнализацию и открыть ворота, на торчавших в двух противоположных углах огороженного участка вышках тихо поскрипывали вращающиеся телекамеры. И горе тому часовому, который под их недреманным оком задумает нарушить устав! Сразу же будет он виден на экране в караулке – это Валетову показали сразу, чтобы по привычке не начал отлынивать и не терял бдительности. Объект просматривался полностью.

Вышки, кстати, были не простые, а бронированные. На тот же случай, если часовой будет от них слишком далеко, в оставшихся сиротливо пустыми углах имелись окопы. И не простые, а с перекрытыми бойницами – почти что дзот, не каждый снайпер в таком окопе достанет. И не сразу. Словом, войска химической защиты позаботились о своих часовых так, будто им приходилось ежеминутно опасаться обстрела и нападения. Солидно позаботились. Что опять-таки возвращало к мыслям о содержимом столь тщательно охраняемого склада.

А вдруг тут и правда что-то особо важное? Такое, что хоть для террористов, хоть для шпионов дороже жизни? Да, кстати, а почему у них нынче жизнь? В смысле – а сколько они заплатили бы?.. Нет, это точно лишнее. Если бешеные бабки запросто сначала дадут часовому, потом вернут себе. Снимут с еще теплого тела часового Валетова, и вообще, ну их на фиг, такие дела. В армию от братвы сбежал, еле расплатился. Что же это, потом еще и от армии бегать? Точнее, от особистов? Перед глазами встало видение парящего над бетонкой майора Сытина, послышался ласковый голос: «В общем, вам выгоднее будет сразу к нам обратиться».

А что, если и вправду – согласиться, взять с них... ну хоть штуку баксов, а потом сразу: «Стой, стрелять буду!» И когда их повяжут, морду кирпичом – я не я, не брал ничего, честно нес службу, пытались подкупить... Деньги можно и спрятать... Нет, все равно всплывет. Раскопают. И дело, и деньги. А потом добрый дяденька майор закопает Валетова. И, если будет в хорошем настроении, даже пристрелит перед этим. Лучше уж сразу задержать, хоть отпуск дадут. А могут, кстати, и орден. Приехать в батальон с орденом, зайти в кабинет к Стойлохрякову – видели, мол, товарищ комбат? Весь год вам Валетов не такой был – а ведь лучший ваш солдат, гордость батальона! Всего округа, и что бы понимал тот генерал Лычко! Да и для дембеля штука – лучше не придумаешь. Это тебе не латунная подкладка под значок и не аксельбант из китайского шнурка. Орден! Можно вообще проехать домой скромно так, в одном камуфляже – но с орденом. Вот, мол, сынки, кто всю службу шуршал, а кто и за родину воевал!..

Что-то звонко лопнуло за спиной, на только что пройденной вышке. Фрол подпрыгнул от неожиданности, и тут же каска съехала ему на переносицу, напрочь лишив обзора, а бронежилет тяжело ударил по плечам. Приподнял каску, взгляделся – вроде бы все нормально, вышка стоит, и возле проволоки никого, хотя... Что-то не понравилось Валетову. Очень не понравилось. Через несколько секунд сообразил: везде забор ярко блестит в прожекторном свете, а там, чуть в стороне от вышки, только тускло отсвечивает. До самого дальнего угла за ограждением ничего не видно, а почему? Потому что прожектор погас!

«Главное, без паники! – попробовал успокоить себя Валетов. – Мало ли что может с прожектором случиться. Может, лампочка перегорела, а я сейчас тревогу подниму. Будет мне тогда орден. До самого дембеля. А может, и потом все ржать будут и вместо анекдота рассказывать». В голове всплыло наставление старшего лейтенанта Волкова: «Что должен делать часовой, если в него стреляют? Усилить бдительность!»

И часовой усилил бдительность. Ползти в бронежилете было тяжело и неудобно, поэтому путь до углового окопчика занял немало времени. Зато ямка оказалась вполне надежной – особенно учитывая тот приятный факт, что над бруствером каска не поднималась совершенно.

Было только одно неудобство – чтобы заглянуть в бойницу, нужно было вставать на носки, и вес брони чувствовался почти сразу. Через десять минут икры болели так, словно Валетов только что пробежал трехкилометровый кросс с полной выкладкой. Причем без посторонней помощи.

Однако меры безопасности были приняты не напрасно. Вскоре из-за ограждения послышался отчетливый хруст: похоже, кто-то не слишком осторожно пробирался через кусты. «Может, проверка? – подумал Фрол. – А прожектор вырубили специально... Ну ничего, сейчас я с ними разберусь!» И, для надежности присев на дно окопа, рядовой Валетов грозно крикнул: – Стой, кто идет?!

Треск веток прекратился. Потом невидимый нарушитель спокойствия зашуршал и бряцнул металлом. Фрол похолодел и понял, кто к нему пожаловал. Это был Большой Звездец – тот самый, который рано или поздно приходит за каждым, и каждый раз по-своему. Некстати вспомнилось, что ордена дают и посмертно.

– Стой, стрелять буду!!! – заорал Валетов и стал суетливо дергать затвор «калашникова». Как назло, самый надежный в мире автомат именно в этот момент решил закапризничать. Еще несколько секунд ушло на то, чтобы боец понял всю тщетность своих попыток.

Пока оружие стоит на предохранителе, зарядить его иногда бывает довольно сложно.

«Досылаешь патрон в патронник и производишь предупредительный выстрел в живот, – вспомнилось еще одно поучение бывалого старлея. – Потом контрольный в голову...» Валетов выставил автомат в бойницу, еще раз взглянул за ограждение и чуть не задохнулся. Из еле видимых в темноте кустов совершенно синхронно поднимались, поблескивая в отсветах дальних прожекторов, сразу два ствола.

– Стреляю!!! – на всякий случай выкрикнул Фрол и рванул спуск.

Первая очередь явно прошла где-то высоко над кустами, и стволы тут же резко дернулись, высматривая дергающуюся вспышку. Валетов сжал автомат крепче, поймал кусты на трясущуюся мушку и влупил промеж стволов уже прицельно. В темноте снова несколько раз звякнула железка. Щеку обожгло; не сразу сообразил, что горячая гильза отскочила от деревянной обшивки бойницы. В кустах кто-то дико заревел. Стволы исчезли, но ветки продолжали трястись и трещать. Автомат печально клацнул и замолчал.

«Уйдут ведь! – думал Валетов, пригнувшись и лихорадочно меняя рожек. – Уйдут, суки, вместе с орденом, а мне еще за патроны отчитываться...» Шорох в кустах стал слабее, но ветки все еще покачивались. Потом верный «калаш» загрохотал снова, и ветки задергались, начали падать. Через пять секунд и второй магазин кончился. Впрочем, и шуршание в кустах – тоже.

«Все», – облегченно вздохнул Фрол. И тут же оцепенел: «А если не все? Если сейчас еще кто-то попрется, с другой стороны?! Надо было хоть пару патронов оставить!»

Валетов обернулся, высматривая и новую опасность, и запоздавшую подмогу. Наверняка в караулке уже услышали стрельбу, сейчас камеры обшаривают подступы к посту, а поднятый по тревоге наряд бежит сюда... А вон и в лагере зашевелились – фары «шишиги» развернулись, полоснули двумя лучами по полигону. Потом двинулись прямо по склону. Сейчас ребята подъедут. Там лейтенант, он разберется. Там Леха Простаков, он выручит. Даже утреннее подозрение в стукачестве ему сейчас простится. Лишь бы приехал вовремя. Вот кому сегодня на посту стоять бы, так это чемпиону по стрельбе...

Со стороны караулки появилась еще одна пара огней. Не доезжая до поста, машина остановилась, послышалась резкая команда. Загрохотали подошвы, залязгали затворы. Ворота были за спиной, не так уж близко, и Фрол выскочил из спасительного окопчика. Перебежал к складу, притаился в тени.

– Стой, кто идет?! – крикнул он первой подбежавшей фигуре и шелкнул опустевшим автоматом.

– Идет начальник караула! – ответил задыхающийся голос. Вроде бы знакомый, но смутно. Своего нынешнего начкара Валетов этим вечером увидел впервые и привыкнуть к нему не успел.

– Стой! Девять!

– Три! – откликнулась фигура. За ее спиной замаячили тени с оружием в руках. Отзыв был правильный – пароль на сегодня назначили «двенадцать», сумма сходилась.

– Начальник караула – ко мне, остальные на месте! – вспомнил устав Фрол. Можно подумать, остальные его прямо со своего места не достали бы, вздумайся им сделать дуршлаг из бдительного часового...

– Ты что, боец, охренел?! Ну-ка, давай отпирай! – Физиономия у начкара была такая, что Валетов на секунду задумался: открывать калитку или попробовать отсидеться за двумя рядами «колючки»? – Что за стрельба?! Сейчас сюда весь городок примчится!

– Разрешите доложить, товарищ капитан! – замок не поддавался, словно сочувствовал бойцу и пытался задержать разгневанное начальство. – Погас прожектор, после этого с темной стороны пытались приблизиться посторонние! Я кричал, они не отвечали, пришлось применить оружие!

– Это где?! – тут же насторожился начкар. Валетов стволом показал в сторону расстрелянных кустов. – Так, ты остаешься на месте, остальные – за мной!

Капитан вместе с караульными осторожно двинулся к месту происшествия. Снаружи. Валетов, чуть приотстав, последовал за ними. Внутри. Завывая и покачиваясь, к посту подъехал «ГАЗ-66», из кузова шустро посыпались здоровенные разведчики во главе с низеньким Волковым. Следом за ними прыгали солдаты химзвода, прибывшие погубить, но товарища выручать. Из кабины выскочил лейтенант Мудрецкий, сориентировался в обстановке и пошел на звук. Местоположение начальника караула можно было засечь с очень большого расстояния, а вот подойти было сложнее – приходилось пробиваться через бурный и плотный поток могучей русской речи.

Не прошло и десяти минут, как сменившийся с поста, лишенный защитного снаряжения и пару раз в суматохе получивший от кого-то по шее рядовой Валетов оглядывал поле своего первого боя. Точнее, вытопанную в кустах поляну. Посреди поляны, выпучив огромный глаз, валялась окровавленная туша коровы. Одно ее копыто застряло в ржавой и дважды простреленной банке из-под масляной краски, блестящий прямой рог был расщеплен пулей.

– Ты смотри, все-таки попал! – одобрительно хмыкнул Простаков. – Да еще как! Да еще не один раз! Надо было тебя тоже на соревнования послать, может, еще и меня бы обогнал! Отслужим, приезжай ко мне – мы с батей из тебя промысловика сделаем, будешь на шкурах такие бабки зашибать – куда какой торговле! Знаешь, почему сейчас меха?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.